

К О Н Н

ИГГУЛЬДЕН

Завоеватель

«СТАНЕШЬ ХАНОМ —
ПОЛУЧИШЬ И ВЛАСТЬ,
И ВОЙСКО.

В ТОТ ДЕНЬ ТВОЕ СЛОВО
ПРЕВРАТИТСЯ
В ЗАКОН».

• ЧИНГИСХАН • ХРОНИКИ ЗАВОЕВАТЕЛЯ •

Чингисхан

Конн Иггульден

Завоеватель

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Иггульден К.

Завоеватель / К. Иггульден — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Чингисхан)

ISBN 978-5-389-21864-2

Эта история о великом воине, которому суждено править пятой частью мира. О мудреце, сумевшем собрать империю бо́льшую, чем у Александра или Цезаря. О брате, которому во имя процветания нации пришлось сделаться предателем. Эта история о хане Хубилае – поразительном человеке, имя которого достойно остаться в веках в одном ряду с именами Юлия Цезаря, Александра Македонского и Наполеона Бонапарта, ибо он был одним из величайших лидеров, которых когда-либо знал мир. Опасный, исконный враг грозит империи, неуклонно теряющей земли, завоеванные некогда могущественным Чингисханом. Но уже вошло в силу новое поколение его потомков, в жилах которых бурлят властолюбие, решительность и отвага Великого Хана... Хубилай мечтает об империи, что простерлась бы от моря до моря. Но Хубилай – ученый человек, и для осуществления его стремлений ему придется освоить искусство войны. Ему предстоит возглавить воинов своей страны в походе на край известного мира, а затем, истощив силы в кровопролитных битвах, схлестнуться в непримиримой схватке с собственными братьями.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21864-2

© Иггульден К., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Основные действующие лица	7
Династия Чингисхана	8
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	42
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	58
Глава 11	63
Глава 12	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Конн Иггульден Завоеватель

© Ж. А. Терехина, перевод, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Азбука®

Посвящается Клайву Руму

Основные действующие лица

Мунке, Хубилай, Хулагу, Ариг-Буга – четыре сына Толуя, внуки Чингисхана.

Гуюк – сын Угэдэй-хана и Дорегене.

Бату (Батый) – сын Джучи, внук Чингисхана, поработитель русских княжеств.

Субудай Багатур – великий полководец времен Чингисхана и Угэдэй-хана.

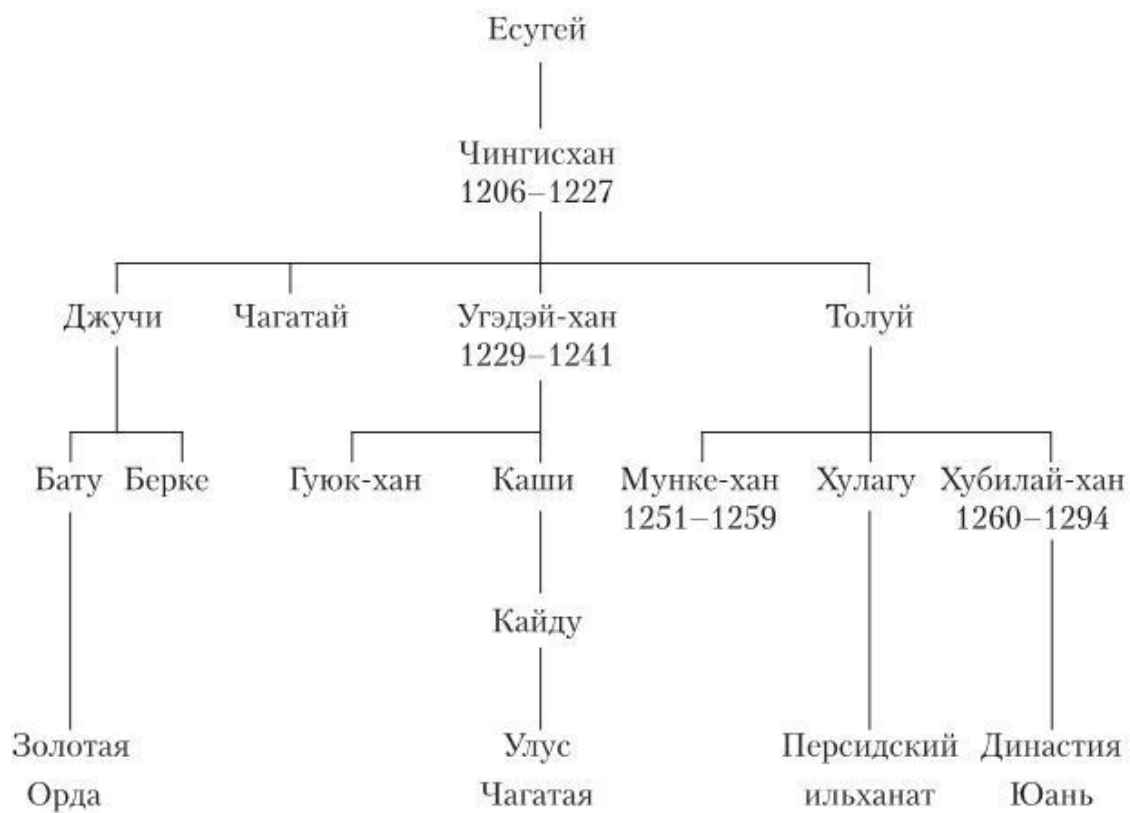
Дорегене – мать Гуюка, после смерти Угэдэя стала регентом.

Сорхатани – мать четверых внуков Чингисхана: Мунке, Хубилая, Хулагу и Ариг-Буги.

Жена Толуя, младшего сына Чингисхана, отдавшего жизнь за спасение Угэдэй-хана.

Байдар – сын Чагатая, отец Алгу, властитель Чагатайского улуса, расположенного вокруг Самарканда и Бухары.

Династия Чингисхана

Часть первая

1244 год

Глава 1

Над Каракорумом бушевала гроза. Дождь так и хлестал в ночном мраке, по улицам неслись бурные потоки. За мощными городскими стенами жались друг к другу овцы в своих загонках. Жир на их шерсти защищал от влаги, но овец не выводили на пастбище, вот они и бledыли от голода, жалуясь друг другу. Временами то одна, то другая становилась на задние ноги и пугала остальных – получалась куча-мала со множеством безумных глаз и бьющих копыт, которая вскоре снова растекалась бурлящей массой.

Ханский дворец освещали лампы, потрескивающие и плюющиеся маслом на стены и ворота. За стенами дворца раскаты грома казались гулом; он звучал то громче, то тише, пока дождь заливал внутренние дворы. Слуги заворуженно взирали на утопающие в воде сады и дворы. Позабыв свои обязанности из-за грозы, они стояли небольшими группами, от которых пахло мокрой шерстью и шелком.

Гуюку шум ливня досаждал, как погруженному в раздумья человеку досаждают поющие себе под нос. Он аккуратно налил вина своему гостю и отодвинулся подальше от окна, каменный подоконник которого уже потемнел от влаги. Пришедший по его приглашению нервно оглядывал зал для приемов. Размер его, по мнению Гуюка, должен был подавить любого, кто привык к тесным юртам. Ханский сын вспомнил, как сам впервые заночевал в этом тихом дворце, как боялся, что камни и плиты обрушатся и раздавят его. Сейчас те страхи вызывали у него усмешку, а вот его гость то и дело поглядывал на потолок. Гуюк улыбнулся. Его отец Угэдэй построил Каракорум, воплотив великие мечты великого человека.

Когда ханский сын отставил каменный кувшин с вином и вернулся к гостю, его губы вытянулись в тонкую полоску. Ради титула, принадлежавшего ему по праву, отцу не приходилось ни угождать правителям, ни давать взятки, ни умолять, ни угрожать.

– Угощайся, Очир, – проговорил Гуюк, протягивая чашу двоюродному брату. – Вкус мягкий, как у арака.

Он старался быть учтивым с едва знакомым ему человеком. Впрочем, Очир – один из сотни ханских внуков и правнуков, в поддержке которых нуждался Гуюк. Хачиун, отец Очира, был большим военачальником, его память чттили и по сей день.

Из вежливости Очир осушил чашу без колебания – сделал два больших глотка и рыгнул.

– Как вода, – объявил он, но снова протянул чашу.

Улыбка Гуюка теперь больше походила на оскал. Один из его помощников молча поднялся, принес кувшин и наполнил обе чаши. Ханский сын опустил на длинное мягкое сиденье напротив Очира, стараясь расслабиться и быть любезным.

– Тебе наверняка известно, зачем я сегодня тебя пригласил, – проговорил он. – Ты человек влиятельный, из славного рода. Я был на похоронах твоего отца в горах.

Очир подался вперед, стараясь не упустить ни слова.

– Жаль, что он не видел тех земель, которые повидал ты, – сказал он. – Я... едва его знал. У отца было много сыновей. Но он хотел идти в Большой поход на запад вместе с Субудаем. Его смерть – огромная утрата.

– Да-да, конечно! Твой отец был человеком чести, – легко согласился Гуюк. Он рассчитывал сделать Очира соратником, значит, немного лести не повредит. Наследник глубоко вдохнул. – Ради твоего отца я и позвал тебя сюда. Очир, семьи той ветви тебе подчиняются?

Очир глянул в окно: дождь стучал по подоконнику так, словно не собирался останавливаться. Гость Гуюка был в рубаше и узких штанах. Сверху – простой халат дээл, на сношенных сапогах никакой отделки. Даже шапка решительно не соответствовала роскоши дворца: грязная, вся в жирных пятнах, впору носить пастуху.

Очир осторожно поставил чашу на каменный пол. Мужественным лицом он напоминал хозяину дворца покойного Хачиуна.

– Я знаю, чего ты хочешь, Гуюк. Я сказал это посланникам твоей матери, когда они приезжали ко мне с дарами. О своем решении я объявлю на курултае вместе с остальными, и не раньше. Опрометчивых обещаний у меня не вырвут. Я говорил об этом, и не раз.

– Ты не присягнешь на верность родному сыну Угэдэя? – осведомился Гуюк. Его голос угрожающе зазвенел, щеки зарделись от вина, и Очир, заметив тревожные знаки, не стал спешить с ответом. Люди Гуюка напряглись, словно псы перед дракой.

– Я этого не говорил, – с осторожностью ответил гость. В зале для собраний ему становилось все неудобнее, и он решил поскорее отсюда выбраться. Гуюк промолчал, и Очир поспешил заполнить паузу: – Твоя мать – хороший регент. Она не позволила державе распасться, наша сплоченность – ее заслуга, с этим не поспоришь.

– Народом Чингиса женщине править негоже, – категорично заявил Гуюк.

– Возможно, однако твоя мать правит, и правит хорошо. Горы до сих пор не рухнули. – Очир улыбнулся собственным словам. – Согласен, рано или поздно нам нужен будет хан, но такой, которому доверяют все. До борьбы за власть, какую вели твой отец и его брат, дойти не должно. Войну между тайджи нашему народу пока не выдержать. Когда появится явный лидер, я отдам ему свой голос.

Гуюк едва сдержался, чтобы не вскочить. Его поучают, словно он *ничего* не понимает, словно не прождал впустую целых два года!

Очир понаблюдал за ним, нахмурился и еще раз украдкой оглядел зал. Четыре человека. Сам он без оружия: все забрали после тщательного обыска у наружной двери. Очиру стало не по себе: уж слишком внимательно наблюдают за ним помощники Гуюка. Да они смотрят на него, как тигры на привязанного козленка!

Гуюк медленно встал, подошел к кувшину с вином и поднял: надо же, какой тяжелый...

– Это город моего отца и дом моего отца. Я – первенец Угэдэя, внук великого Чингисхана, а ты, Очир, не желаешь клясться мне в верности, словно мы тут из-за хорошей кобылы торгуемся...

Он хотел налить, но его гость прикрыл чашу ладонью и покачал головой. Очир заметно нервничал из-за того, что Гуюк навис над ним, но произнес твердо, не позволяя себя запугивать:

– Мой отец поклялся в верности твоему отцу, Гуюк. Но ведь есть и другие. Байдар на западе...

– Правит своими землями и ни на что не претендует, – перебил Гуюк.

– Будь твое имя в завещании, многие проблемы решились бы, – после небольшой паузы продолжил Очир. – Половина тайджи уже поклялась бы тебе в верности.

– Это старое завещание, – отозвался Гуюк. Его голос зазвучал глуше, зрачки расширились, словно он смотрел в темноту; дыхание сбилось.

– Еще есть Бату, – явно волнуясь, добавил Очир. – Он старший из братьев; еще Мунке, первенец Толуя. Претендентов немало, Гуюк. Зря ты ждешь...

Сын хана поднял каменный кувшин, от напряжения у него даже костяшки побелели. Во взгляде Очира читался испуг.

– Я жду верности! – заорал Гуюк и с силой ударил кувшином Очира по лицу.

У того голова дернулась в сторону. На лбу заалела ссадина, потекла кровь; защищаясь, раненый поднял ладонь. Гуюк с ногами залез на низкое сиденье, оседлал своего гостя и снова ударил его кувшином. На сей раз каменный сосуд треснул, а Очир позвал на помощь.

– Гуюк! – в ужасе крикнул один из присутствующих в зале.

Все вскочили на ноги, но вмешиваться не решались. Тем временем на мягком сиденье завязалась драка. Очир вцепился Гуюку в шею. Только разве скользкими от крови пальцами ухватишь как следует? Снова и снова кувшин обрушивался Очиру на голову – и вдруг раскололся. В руках у Гуюка осталась овальная ручка с острыми зазубринами. Задыхаясь от возбуждения, свободной рукой он вытер кровь со щеки.

Лицо Очира превратилось в кровавое месиво, уцелел только один глаз. Он попытался снова дотянуться до горла двоюродного брата, но безуспешно. Гуюк отбился легко, со смехом.

– Я сын хана, – напомнил он. – Скажи, что поддержишь меня. Громко скажи!

Говорить Очир не мог. Он давился собственной кровью, его тело сотрясали судороги. Лишь бульканье слетело с разбитых губ.

– Не скажешь? Даже это не скажешь? Тогда всё, Очир, ты мне больше не нужен.

На глазах у потрясенных помощников Гуюк ударил несчастного зазубренной рукоятью. Бульканье стихло. Ханский сын встал и уронил рукоять на каменные осколки. Осмотрел себя с отвращением, внезапно осознав, что весь в крови: в волосах брызги, на дээле большое пятно.

Взгляд Гуюка вновь стал осмысленным. Он увидел разинутые рты своих помощников. Трое стояли истуканами, и лишь один был задумчив, словно стал свидетелем простого спора, а не убийства. Именно он и привлек внимание Гуюка. Гансух, высокий молодой воин, считался самым метким лучником в свите ханского сына. Гансух заговорил первым, и его голос был абсолютно спокойным:

– Господин, Очира хватятся. Позволь унести отсюда тело, пока еще темно. Если бросить его в проулке, семья Очира решит, что на него напал грабитель.

– Пусть его вообще не найдут, – отозвался Гуюк и стер кровавые пятна с лица. Злость и раздражение исчезли без следа, сменившись умиротворением.

– Как пожелаешь, господин. В южной части города роют новые ямы для сточных вод...

Гуюк жестом велел ему замолчать.

– Мне незачем об этом знать. Избавься от тела, Гансух, и я в долгу не останусь. – Посмотрел на остальных. – Ну так что, справится Гансух в одиночку? Кто-то из вас должен отослать моих слуг. Если спросят, скажете, что Очир уехал раньше. – Гуюк улыбнулся, забыв о чужой крови на лице. – Еще скажете, что на курултае он обещал поддержать меня, что принес клятву. Раз этот дурак не помог мне живым, пусть хоть мертвым поможет.

Свита зашевелилась, и Гуюк зашагал прочь от них к купальне, в которую мог попасть, не пересекая основной коридор. Без помощи слуг он не мылся уже больше года, но кожа зудела, нестерпимо хотелось смыть чужую кровь. Недавних тревог как не бывало – Гуюк словно на крыльях летел в купальню. Вода не нагретая, но он с детства купался в ледяных реках. Студеная вода стягивала кожу и бодрила, напоминая, что он жив.

Гуюк стоял нагим в цзиньской чугунной ванне с драконами, извивающимися по краю. Он опрокинул на себя деревянное ведро с водой, поэтому не слышал, как отворилась дверь. От сквозняка перехватило дыхание: Гуюк содрогнулся, пенис его сморщился. Он открыл глаза и подскочил: в купальне стояла мать. Гуюк покосился на кучу грязной одежды: она уже намочла, и по деревянному полу потекли красноватые ручьи.

Гуюк аккуратно опустил ведро. Дорегене была женщина крупная. Казалось, маленькую купальню она занимает целиком.

– Если ты желаешь меня видеть, я быстро домоюсь и оденусь, – обратился он к матери.

Взгляд Дорегене упал на кровавые потеки на полу, Гуюк заметил это и потупился. Затем взял ведро и наполнил его красноватой водой из ванны. У дворца собственная канализация. Цзиньские умельцы сделали ее из керамических труб. Стоит вытащить пробку, и уличающая Гуюка вода незаметно смешается с экскрементами и кухонными помоями. Около Каракорума есть канал; в него, по мнению ханского сына, и выходила труба. Ну или в яму какую-нибудь... Подробности Гуюк не знал и знать не хотел.

– Что ты *сделал*? – воскликнула Дорегене. Мертвенно-бледная, она нагнулась и подняла грязную, мятую рубаху сына.

– То, что должен был, – ответил Гуюк; он замерз и совершенно не желал отвечать на вопросы. – Тебя это не касается. Грязную одежду сожгут. – Поднял ведро, но потом решил: хватит с него материнского внимания. Ополоснулся и вышел из ванны. – Я велел приготовить мне чистую одежду. Она уже должна лежать в зале для собраний. Если ты не намерена весь день стоять здесь и глазеть на меня, может, принесешь?

Дорегене не шевельнулась.

– Ты мой сын, Гуюк. Я старалась защитить тебя, окружить союзниками. Сегодня ночью львиная доля моих усилий пошла насмарку, верно? Думаешь, я не знаю, что сюда приглашали Очира? И что никто не видел, как он выходит из дворца? Неужели ты так глуп, Гуюк?

– Так ты за мной следила, – проговорил Гуюк. Ему хотелось казаться уверенным и равнодушным, но он дрожал все сильнее.

– Меня касается все происходящее в Каракоруме. Я должна знать о каждом соглашении, каждом споре, каждой ошибке вроде той, что ты сегодня совершил.

Гуюк бросил притворяться: надменное неодобрение матери раздражало невероятно.

– Очир ни за что не поддержал бы меня. Он для нас небольшая потеря, а его исчезновение может со временем и пользу принести.

– Ты вправду так думаешь? – осведомилась Дорегене. – Считаешь, что помог мне? Неужели я вырастила глупца? Его семья и друзья непременно узнают, что Очир пришел к тебе безоружным и исчез.

– Тело не найдут, и они подумают...

– Подумают – и догадаются, Гуюк! Что тебе нельзя доверять. Что даже твоим соплеменникам статус гостя не гарантирует безопасность. Что ты дикарь, способный убить человека, который пил чай *в твоём доме*.

Разгневанная Дорегене вышла из купальни. Гуюк едва успел обдумать слова матери, а она уже вернулась, сунула ему сухие вещи и продолжила:

– Два с лишним года я ежедневно обхаживала твоих вероятных союзников. Тех, для кого важно, что ты старший сын хана, поэтому и должен править народом. Гуюк, я подкупала их землей, лошадьми, рабами и золотом. Я грозила раскрыть их секреты, если на курултае не получу их голоса. Старалась я из уважения к твоему отцу и его деяниям. Народом должны править его потомки, а не дети Сорхатани, Бату или другие тайджи.

Гуюк быстро оделся, кое-как запахнул дээл поверх рубахи и завязал пояс.

– Ждешь благодарности? – спросил он. – Твои планы и интриги ханом меня еще не сделали. А даже если бы сделали, я вряд ли получил бы возможность править самостоятельно... Думаешь, я согласен ждать вечно?

– Я не предполагала, что ты убьешь достойного человека в доме своего отца. Сегодня ты не помог мне, сын мой, а ведь я почти у цели. Не знаю, какой вред ты уже причинил, но если убийство откроется...

– Не откроется.

– Если оно *откроется*, это сыграет на руку другим претендентам. Они скажут, что у тебя не больше прав жить в этом городе и в этом дворце, чем у Бату.

Гуюк со злостью сжал кулаки.

– Бату, везде Бату! Каждый день слышу это имя... Жаль, его сегодня здесь не было. Я бы убрал этот камень со своей дороги.

– К тебе, Гуюк, Бату безоружным не пришел бы. То, что ты сделал или сказал ему по пути домой, сильно мешает мне передать тебе наследство.

– Ничего я не сделал, и наследство это не мое! – рявкнул Гуюк. – Сколько проблем решилось бы, упомяни меня отец в завещании... Отсюда все наши беды! Отец заставил меня драться за власть с другими. Мы, как свора голодных псов, за кусок мяса рвем друг другу глотки. Не стань ты регентом, жить бы мне в юрте и с завистью взирать на город своего отца. Ты еще чтишь его память. Я же – старший сын хана, а должен хитростью добиваться того, что принадлежит мне по праву... Будь отец наполовину таким, каким ты его считаешь, он позаботился бы об этом при жизни. Ему хватило бы времени подумать о моем будущем...

Дорегене прочла боль в глазах сына и смягчилась, даже гнев отступил. Она сжала его в объятиях, желая облегчить страдания.

– Отец любил тебя, сын мой, но был одержим своим городом. Смерть давно ходила за ним по пятам. Борьба с ней отняла у него последние силы. Ему наверняка хотелось сделать для тебя больше.

Гуюк прижался щекой к материнскому плечу, отгоняя неприятные мысли. В матери он по-прежнему нуждался. За годы регентства она снискала уважение народа.

– Напрасно я сегодня не сдержался, – пробормотал он, выдал из себя судорожный вздох, похожий на всхлип, и Дорегене обняла его еще крепче. – Наверное, я слишком сильно хочу стать ханом. Каждый день ловлю на себе их взгляды. Они гадают, когда мы соберем курултай, и улыбаются, предвкушая мое поражение.

Дорегене погладила его влажные волосы.

– Ш-ш-ш! Ты не такой, как они, – проговорила она. – Обычным человеком ты никогда не будешь. Вслед за своим отцом мечтаешь о великом... Я знаю это. Я поклялась сделать тебя ханом, и это произойдет скорее, чем тебе кажется. Мунке, сын Сорхатани, уже за тебя. Не напрасно ты связал его клятвой прямо на поле боя. Его братья мать не слушаются. Они – наши основные союзники. На западе Байдар принял моих посланников. Уверена, рано или поздно он тебя поддержит. Теперь понимаешь, как близка цель? Пусть Байдар и Бату назовут настоящую цену, тогда мы и созовем всех на курултай.

Дорегене почувствовала, как напрягся ее сын, заслышав ненавистное имя.

– Спокойно, Гуюк! Бату – лишь человек, своего улуса он не покидал. Со временем те, кто стоит за ним, поймут, что Бату нравится править северными землями, а на Каракорум он не притязает. Тогда они придут к тебе и попросят вести их. Это, сын мой, я тебе обещаю. Если буду жива, ханом станешь ты, и никто другой.

Гуюк отстранился и сверху вниз взглянул на мать. Та заметила, что глаза у него красные.

– Мама, когда это случится? Вечно я ждать не могу.

– Я снова отправила посланников в лагерь Бату. Пообещала, что ты признаешь имущественные и территориальные права и за ним, и за его потомками – пожизненно.

Гуюк зло ощерился.

– Ничего я не признаю! Мало ли что написано в отцовском завещании! Я должен позволить такому, как Бату, беспрепятственно бродить по моей земле? Есть вдоволь и спокойно разъезжать на белой кобыле? Пусть его ордынцы жиреют и плодятся, пока я веду войны без их помощи? Нет, мама, пусть либо признают мою власть, либо я позабочусь, чтобы их уничтожили.

Дорегене дала сыну пощечину. Удар получился сильный, так что голова дернулась в сторону. На щеке появилось красное пятно. Гуюк оцепенело посмотрел на мать.

– Поэтому я велела тебе не обхаживать тайджи самостоятельно, а довериться мне. Прислушайся, Гуюк, внимай рассудком и сердцем, а не только ушами. Вот станешь ханом – полу-

чишь и власть, и войско. В тот день твое слово превратится в закон, а обещания, которые я дала от твоего имени, – в пыль, если ты решишь их не исполнять. Теперь ты понимаешь? – Мать и сын были наедине, но шипящий голос Дорегене зазвучал еще тише, чтобы не подслушали. – Да я бы посулила Бату бессмертие, если бы знала, что за ним он явится на курултай. Вот уже два года он шлет в Каракорум отговорки. Отказать мне лично не смеет, зато потчует сказками о том, что ранен или занемог и в путь отправиться не в силах. А сам глаз с Белого города не спускает. Он умен, Гуюк, не забывай об этом ни на миг. У сыновей Сорхатани нет и половины его амбиций.

– Мама, ты торгуешься со змеей. Смотри, чтобы не укусила.

– У всего есть своя цена, сын мой, – с улыбкой проговорила Дорегене. – Мне нужно лишь узнать цену Бату.

– Я мог бы тебе подсказать, – пробурчал Гуюк. – Уж я его знаю. Ты же с нами в Западный поход не ходила.

Дорегене тихо зацокала языком.

– Все тебе знать необязательно. Хватит того, если Бату согласится и приедет на летний сбор. Его согласие сулит поддержку стольких тайджи, сколько нужно, чтобы сделать тебя ханом. Теперь понимаешь, что напрасно проявил самостоятельность? Понимаешь, чем рискнул? *Что* жизнь главы одной семьи по сравнению с нашей целью?

– Прости, – отозвался Гуюк, потупившись. – Ты не посвящала меня в свои планы, и я разозлился. Лучше сообщай мне, что задумала. Теперь я понимаю, что к чему, и могу помочь.

Дорегене пригляделась к сыну. Несмотря на его слабости и недостатки, она любила Гуюка больше власти над городом, больше собственной жизни.

– Доверься матери, – проговорила она. – Ты будешь ханом. Обещай, что больше нам не придется жечь окровавленную одежду. Довольно промахов!

– Обещаю, – ответил Гуюк, думая уже о том, *что* изменит, став ханом. Дорегене слишком хорошо его знает, в Каракоруме ее оставлять рискованно. Он подыщет матери дом вдали от города, где она проживет остаток дней.

Гуюк улыбнулся, и Дорегене обрадовалась, увидев в нем малыша, которым он когда-то был.

Глава 2

Насвистывая, Бату пустил коня рысью по зеленому полю к маленькой юрте на склоне холма. То и дело он озирался, высматривая шпионов и дозорных. На землю монголов Бату возвратился тайком и знал, что кое-кому его приезд был бы на руку. Родину Чингисхана много лет назад унаследовала Сорхатани после смерти мужа. Она же вернула на эти равнины тумены и десятки тысяч семей, которым хотелось жить так, как они жили всегда под сенью гор.

У юрты Субудая ничего подозрительного не обнаружилось. Старик отошел от дел тихо и незаметно, отвергнув почести, которые навязывала ему Дорегене. Бату обрадовался, что застал Багатура, хотя бывший орлок снимался с места нечасто. Стадо у него маленькое, каждые два месяца новое пастбище не требовалось. Вблизи Бату увидел лишь несколько десятков овец и коз. Непривязанные, они спокойно щипали траву. Субудай выбрал хорошее место у реки. Когда-то здесь явно был заливной луг; за многие сотни лет он стал идеально ровным и плоским. Солнце сияло. Бату снова восхитился стариком. Тот командовал величайшим из войск, довел более ста тысяч человек до гор Северной Италии. Если бы смерть хана не вернула их домой, Бату не сомневался, что войско расширило бы границы империи от моря до моря. Он поморщился, вспомнив, как когда-то радовался неудаче старика. Было это в пору, когда Бату верил, что молодому поколению по силам избавиться от мелочных политических споров и склок, которые портят мир.

Подъезжал Бату медленно, памятуя, что Субудай незваных гостей не жалует. Друзьями они не были, хотя со времен Большого похода тайджи уважал старика куда больше. Как бы то ни было, он нуждался в совете человека, который уже не борется за власть; человека, которому он мог доверять.

Собачий лай Бату услышал еще издали. У него сердце сжалось, когда из-за юрты вышел огромный черный пес, остановился и поднял голову. «Нохой-хор!» – закричал Бату, уберите, мол, собаку; но ни Субудая, ни его жены видно не было. Пес понюхал воздух, повертел головой, увидел всадника на коне, зарычал и понесся по траве. Он вертел головой, сверкая белками глаз и белыми зубами. Бату потянулся к луку, но сдержался. Если убить пса Субудая, шансов на теплый прием значительно поубавится.

Конь прынул в сторону, и Бату заорал на пса, пробуя другие команды. Огромная зверюга напирала, поэтому всадник легонько пнул коня, отправив его на большой круг по пастбищу. Пес несся следом, щелкал зубами, выл, из пасти летели клочья белой пены. Жертва убегала, а пес заливался лаем.

Краем глаза Бату заметил, как из юрты вышла женщина. Видя бедственное положение гостя, она сложилась пополам от хохота. А он только и мог нарезать круги по пастбищу, спасаясь от клацающих зубов.

– Нохой-хор! – снова крикнул Бату.

Женщина расправила плечи и взглянула на него, чуть склонив голову набок. Немного погодя она пожала плечами и, засунув пальцы в рот, дважды свистнула. Пес тотчас припал к траве, но темные глаза неотрывно следили за всадником, посмевающим вторгнуться на его территорию.

– Лежать! – велел Бату псу, стараясь не приближаться к нему; таких здоровенных он отродясь не видел и гадал, где Субудай его раздобыл. Затем медленно, без резких движений, спешил, чувствуя пристальное внимание пса, и объявил: – Я ищу орлока Субудая.

За его спиной негромко зарычал пес. Захотелось обернуться. Женщина наблюдала за Бату, пряча улыбку.

– А если он не желает видеть тебя, безымянный? – весело предположила она.

Бату покраснел.

– Субудай хорошо меня знает. Мы вместе участвовали в походе на запад. Я Бату, сын Джучи.

Женщина помрачнела, словно слышала это имя не единожды, и заглянула Бату в глаза.

– На твоём месте я не прикасалась бы к луку. Пес горло тебе перегрызет.

– Я приехал не мстить, – сказал Бату. – Я уже давно живу в мире со всеми.

– Хорошо хоть один из вас так говорит, – отозвалась женщина.

Она глянула ему за спину, и Бату обернулся, почти уверенный, что к нему подбирается пес. Однако увидел он Субудая – старик вел коня от соседней рожицы – и подивился нахлынувшим чувствам. В своё время Бату ненавидел орлока, но тогда он ненавидел многих. Постепенно ненависть сменилась уважением. Бату не копался в своих чувствах, но во многих отношениях Субудай заменил ему отца. Этого он никогда не сказал бы. В нынешней ситуации Бату радовался уже тому, что Багатур жив и более-менее здоров. Казалось, нет ничего невозможного, если у тебя такой союзник, как Субудай. Только вот можно ли назвать его союзником? В данный момент Бату сомневался даже в том, что его здесь примут.

Все это вихрем пронеслось в его голове, пока он смотрел на неспешно вышагивавшего Субудая. Старик свистнул псу, который тут же вскочил и бросился к нему с щенячьим восторгом. Казалось, он виляет не обрубок хвоста, а всем телом. В одной руке Субудай держал вожжи, другой потрепал огромного пса по голове. Он посмотрел на гостя, потом на жену и без тени улыбки спросил:

– Ты чай ему предложила?

– Нет, решила тебя подождать.

– Тем лучше. Тогда езжай, Бату. Мне нечего тебе сказать.

Бату ждал. Но Субудай уже закончил разговор и прошёл мимо него, цоканьем подозревая пса.

– Я приехал издалека ради встречи с тобой, орлок.

– Титулы для меня в прошлом, – бросил через плечо Субудай.

– Я приехал за советом.

– Прощай! – сказал старик.

Он уже открыл дверь юрты, даже не обернувшись; затем скрылся в полумраке вместе с псом. Обескураженный Бату повернулся к жене орлока, которая с улыбкой смотрела на него. Из детородного возраста она давно вышла, но во взгляде, устремленном на огорченного воина, сквозило что-то материнское.

– Не люблю отправлять гостя ни с чем, – проговорила она. – Хочешь соленого чаю?

Из юрты донеслось недовольное ворчание. Тонкие стены не мешали Субудая слышать каждое слово.

– Почту за честь, – ответил Бату.

Чай он пил до самого вечера. Субудая его присутствие не слишком мешало. Старик ограничился свирепыми взглядами, в течение нескольких часов молча чиня свой лук, а Бату вел вежливую беседу. Ариуна – так звали жену орлока – оказалась приятной женщиной, а вести, которые привез гость, потрясли её до глубины души. Даже Субудай фыркнул, когда Бату рассказал о землях, отошедших ему по завещанию Угэдэя. Одним росчерком пера Угэдэй отдал ему Русь. Чувствуя пристальное внимание Субудая, Бату объяснил Ариуне, что после смерти Чингисхана часть тех земель принадлежала Угэдэю. Старик буквально прожег Бату взглядом, давая понять, что с памятью у него все в порядке. Бату не поднял головы, и Субудай снова занялся плошками с кипятком, роговыми пластинками и клеем.

На закате старик встал и со стоном потянулся.

– Пойду гляну на скот, – сказал он жене.

Бату безучастно рассматривал свои ноги, но, лишь услышав Ариуно «ступай за ним!», с ухмылкой поднялся и вышел. Порой мужчинам не договориться без участия женщины.

Пес, ни на шаг не отстававший от Субудая, при виде Бату оскалился, но хозяин велел ему успокоиться. Мужчины проверили, как привязаны животные в небольшом загоне, потом осмотрели козу, которая должна была вот-вот окотиться. Оба по-прежнему молчали, но Бату стало куда уютнее; он уже не чувствовал себя незванным гостем, как в юрте у Субудая. В загоне старик держался намного непринужденнее и жестом попросил Бату осмотреть козу. Тот кивнул и нащупал пальцами еще не родившегося козленка.

– Осталось немного, – объявил он. – Коза чувствует себя хорошо.

– Верно, – согласился Субудай, выпрямляя спину. – И я тоже. Жизнь тяжела, Бату, но, по крайней мере, может быть простой. Здесь она простая.

С годами он сильно похудел, но остался прежним. Где бы ни оказался Багатур, за простого пастуха его не принял бы никто. Его глаза видели взлеты и падения империй. Он знал Чингисхана еще молодым человеком.

Бату промолчал. Немного спустя Субудай вздохнул и взялся за деревянный поручень загона.

– Ну, говори, чего ради проделал такой долгий путь. Предупреждаю: о дрязгах в Каракоруме мне ничего не известно. Шпионов у меня больше нет, если ты на это рассчитываешь.

– Никакого расчета нет. Просто посоветуй, кому можно довериться.

Совсем как Ариуна, Субудай пытливо заглянул ему в глаза и заметно успокоился.

– Спрашивай, сынок. Не знаю, понравятся ли тебе мои ответы.

Бату набрал в грудь побольше воздуха.

– Гуюка ты знаешь не хуже остальных. – Субудай молчал, и Бату продолжил: – Тебе ведь известно, что нового хана до сих пор не выбрали.

Старик кивнул:

– Об этом слышал. Не в пустыне живу.

– Ханом станет либо Гуюк, либо Мунке, либо Байдар... либо я. Претендентов всего четверо, а Мунке связал себя клятвой много лет назад, когда услышал о смерти Угэдэя. Он поддерживает Гуюка.

Субудай поскреб щеку.

– Значит, все решено. Присоединись к Мунке и Гуюку. Байдар, как узнает об этом, тоже подтянется. Гуюк будет ханом, а меня оставят в покое.

– Ты так и поступил бы? – серьезно спросил Бату.

Смешок Багатура получился резким и неприятным.

– Я? Вовсе нет. Но я не ты; свои решения я давно принял, правильные они или нет.

– Тогда зачем советуешь мне поддержать Гуюка? Что бы ты сделал на моем месте?

Вместо ответа Субудай уставился на темнеющие поля, на ручей, на далекие холмы. Бату ждал.

– Я не на твоём месте, – наконец проговорил старик. – И не знаю, чего ты ищешь. Если выгоды, то тяни подольше, а решение принимай в момент, когда дары Гуюка сменяются угрозами. Защити свои земли и, возможно, успеешь ими насладиться.

– А если выгода меня не интересует? – обиженно спросил Бату. – Если я считаю, что Гуюк не должен править нашим народом?

– Тогда помошь мне тебе нечем. Встанешь на пути у Гуюка – он наверняка тебя уничтожит. – Старик хотел что-то добавить, но закрыл рот.

– В чем дело? Субудай, ты говоришь загадками. Твердишь, что на моем месте не поддержал бы Гуюка, но, если я не поддержу его, меня уничтожат. Что это за положение?

– Положение простое, – улыбнулся Субудай и в первый раз открыто посмотрел на Бату. – Ты явился сюда не за ответами. Все, что нужно, ты сам знаешь. Тебя волнует, кто делит с Гуюком ложе. Может, его дружки злят тебя или вызывают твою зависть? – Багатур засмеялся.

– По мне, так пусть хоть сдохлыми козлами ложе делит, – с отвращением заявил Бату. – Главное, человек он ничтожный, даже мечтать не умеет. У Гуюка одна лишь хитрость, а властителю народа нужен ум. Только не говори, что он будет хорошим ханом.

– Он будет ужасным ханом, – ответил Субудай. – При Гуюке народ зачахнет или разбежится. Но если не ты, кто выступит против него? В любом случае теперь слишком поздно. Ты уже едешь на курултай; там принесешь клятву Гуюку, и он станет ханом.

Бату удивленно захлопал глазами. Его воины остались в долине в дне с лишним езды отсюда. Субудай мог об этом знать, только если соврал, что у него больше нет осведомителей. Небось старики приезжают к нему пить чай и потчуют орлока новостями.

– Для простого пастуха ты много знаешь.

– Люди всякое болтают – как ты, например. Болтают, словно нет других занятий. Ты хотел услышать, что поступаешь правильно? Может, и так. А теперь оставь меня в покое.

Бату подавил раздражение.

– Я приехал спросить, как поступил бы Чингисхан. Ты ведь его знал.

Субудай ухмыльнулся, оскалившись. Двух боковых зубов не хватало, их отсутствие выдавала запавшая щека. Кожа туго обтягивала череп.

– Твой дед не знал компромиссов. Понимаешь, что это значит? Многие твердят: я верю в это, а я – в это. Но не отступят ли они от веры, если жизнь их детей будет в опасности? Отступят. А Чингис не отступил бы. Враги угрожали перебить его детей, а он в ответ: давайте, но учтите, что цена за это будет невероятной. Спалю города, истреблю целые народы – и все мне будет *мало*. Сам подумай и скажи: поддержал бы он такого хана, как Гуюк?

– Нет, – буркнул Бату.

– Ни за что и никогда, сынок. Гуюк – ведомый, а не вождь. Одно время он даже за тобой по пятам ходил. Для плотника или для мастера, который делает черепицу для крыш, это не беда. Сплошные вожаки – тоже плохо, они стаю на части разорвут. – Субудай почесал пса за ухом; тот заурчал и облизал ему руку. – Верно, Тэмучжин? Не всем же быть такими, как ты!

Продолжая урчать, пес лег на живот и вытянул передние лапы.

– Ты назвал пса в честь Чингисхана? – изумился Бату.

– А что? – хмыкнул Субудай. – Мне понравилось. – Он снова поднял голову. – Человек вроде Гуюка никогда не изменится. Он не может однажды решить, что поведет за собой народ, и рассчитывать при этом на успех. У него нет в крови умения повелевать.

Бату положил руки на деревянную балку. Пока они разговаривали, начало садиться солнце, вокруг переплетались стущающиеся тени.

– Но если я дам Гуюку отпор, меня уничтожат, – тихо проговорил он.

Субудай лишь плечами пожал.

– Возможно. Наверняка не скажешь. Твой отец Джучи не побоялся отделиться от народа. Он не признавал компромиссов. Словом, того же поля ягода.

– Ничего путного у него не вышло.

Бату глянул на старика, но во мраке черты Субудая едва просматривались.

– Ты слишком молод, чтобы понять, – заявил Багатур.

– А ты попробуй объяснить, – отозвался Бату, чувствуя пристальный взгляд старика.

– Сынок, людям всегда страшно. Может, ты проживешь долгую жизнь и поймешь это. Порой мне кажется, что я живу слишком долго. Мы все умрем. Умрет моя жена, я, ты, Гуюк – все, кого ты знаешь. Люди пройдут по нашим могилам, не ведая, смеялись ли мы, любили или ненавидели друг друга. Думаешь, их заинтересует, как мы жили? Нет, их будет интересовать лишь суета собственной короткой жизни.

– Не понимаю, – с досадой признался Бату.

– Это потому, что ты слишком молод, – пожал плечами Субудай и тихо вздохнул. – В этой долине могут лежать кости, останки мужчин и женщин, некогда считавших себя важными

особами. Мы о них думаем? Разделяем их мечты и страхи? Конечно, нет. Для живущих они ничто, мы даже имен их не знаем. Одно время я хотел, чтобы меня помнили, чтобы через тысячу лет люди говорили обо мне. Сейчас же мне все равно, ведь от меня останутся только пыль и дух. Может, одна пыль, но я надеюсь, что и дух. С возрастом поймешь: важно одно и только одно – то, что ты жил по совести и чести. Без совести и чести быстрее не умрешь, но станешь ничтожнее пыли на сапогах. Пылью ты станешь в любом случае, но зачем короткую жизнь проживать впустую? У твоего отца ничего не получилось, но он был сильным и искал лучшей доли для своего народа. Он жил не впустую. О большем и мечтать не приходится. – Долгая речь утомила старика. Он откашлялся и плюнул на землю. – Жизнь коротка, Бату. Эти горы будут стоять здесь и после меня, и после тебя.

– Я ведь даже не знал отца, – тихо проговорил Бату после длинной паузы. – Мы с ним никогда не встречались.

– А мы встречались, и я очень об этом сожалею, – сказал Субудай. – Так я понял, что такое честь. Ее ценишь, лишь когда теряешь, когда становится слишком поздно.

– Ты человек чести, Субудай, если я хоть немного в этом разбираюсь.

– Когда-то это так и было, но мне следовало послушаться приказа твоего деда. Убить его родного сына... Полное безумие, но я был молод и преклонялся перед ним. Надо было развернуться и ехать прочь, а не разыскивать Джучи на русских равнинах. Тебе не понять. Ты когда-нибудь убивал?

– Знаешь ведь, что убивал!

– Не на войне, а так, чтобы в глаза смотреть?

Бату медленно кивнул. Субудай хмыкнул: кивок он едва увидел.

– Ты имел на это право? Отнять годы, которые мог прожить убитый?

– В тот момент думал, что имел, – неуверенно ответил Бату.

– Ты слишком молод. Когда-то я тоже верил, что сумею обратить свои ошибки во благо. Что моя вина возвысит меня над остальными. В цвете лет я верил, что ошибки меня многому научат. Как бы то ни было, Бату, ошибку не сотрешь и не исправишь. Грех не искупить. Слышал это слово? Так христиане называют черное пятно на душе. По-моему, очень точно.

– Они же твердят, что то пятно стирается исповедью.

– Неправда! Какой же человек стирает ошибки болтовней? С ошибками нужно жить. Наверное, это и есть наказание. – Субудай усмехнулся, словно вспомнив что-то давнее. – Твой дед забывал неудачные дни, словно их не было. Я очень завидовал его умению. Порой и сейчас завидую. – Субудай перехватил взгляд Бату и вздохнул. – Выполняй обещания, сынок. Ничего другого я тебе не скажу.

Тут старик вздрогнул, будто от сквозняка.

– Чингисхан, если это ты, то мне нет до тебя дела, – пробормотал он так тихо, что Бату едва расслышал. – Твой внук сам о себе позаботится. – Затем Субудай поплотнее запахнулся в дээл. – К своим тебе возвращаться уже поздно, – чуть громче сказал он. – Оставайся, у тебя здесь права гостя, а утром позавтракаешь – и в путь. Пойдем?

Взошла луна, и Субудай, не дожидаясь ответа, побрел к юрте. Бату радовался, что приехал сюда, и почти решил, как быть дальше.

Ям в безлюдной степи – зрелище удивительное. В трехстах милях к северу от Каракорума он служил одной-единственной цели – помогать гонцам, странствующим на восток до империи Цзинь, на запад до Руси и на юг до Кабула. Снедь и утварь привозили на подводах теми же дорогами. Когда-то здесь стояла юрта с парой свежих лошадей, а сейчас Бату смотрел на строение из серого камня с красной черепичной крышей. К нему жались юрты – вероятно, для семей ямских гонцов и нескольких покалеченных воинов, которые здесь осели. Бату лениво

подумал, что когда-нибудь тут появится деревня. Ямские служители, в отличие от их предков, за теплом следовать не могут.

По пути из своих новых земель Бату держался подальше от почтовых станций. Приметят его тумен – и помчится гонец к следующему яму. На пересеченной местности гонцов не обогнать, и вести о перемещении Бату попадут в Каракорум задолго до него самого. Отправляя послание, свою свиту он оставил в лесу среди сосен и берез – там их не увидят, – а сам поехал дальше с двумя разведчиками. На склоне холма он привязал коня и выслал разведчиков вперед.

Теперь Бату лежал на животе, нежился в лучах солнца и наблюдал за своими дозорными. Над ямом курился дымок; издалека были видны фигурки лошадей, щиплющих траву. Едва разведчики вошли в ям, Бату перевернулся на спину и уставился в небо.

Одно время он сам хотел быть ханом. Появись шанс в ту пору, рискнул бы без долгих раздумий. Тогда жизнь была проще: они с Субудаем продвигались на запад. Смерть Угэдэя не просто остановила Большой поход. Хан старался вытащить Бату из бедности, жаловал ему повышение за повышением, пока не доверил командование туменом. Пожалуй, не следовало удивляться, что Угэдэй упомянул его в завещании, но Бату удивился: он не ждал ничего. Объезжая свои новые земли, он нашел следы монгольского лагеря – обвалившиеся юрты, грубые деревянные строения. Он обыскал их все и в одной нашел гнилое седло с клеймом отцовских туменов. Угэдэй даровал ему те земли, куда Джучи сбежал от Чингисхана. Тогда Бату прижимал к себе седло и оплакивал отца, которого не знал. С тех пор в нем что-то изменилось. Сейчас он смотрел в безоблачное небо и спрашивал себя: «Где честолюбивые желания? Где амбиции?» Ни того ни другого Бату не чувствовал. Не быть ему ханом. Пусть народом правит самый достойный из них.

Он провел ладонью по земле и вырвал пучок травы с корнем. Греясь на мирном ласковом солнце, размял землю: теперь ветерок ее развеет.

Высоко в небе кружил ястреб: вероятно, его заинтересовал человек, неподвижно лежащий в траве. Бату поднял руку; он знал, что даже с головокружительной высоты птице видна любая деталь.

К возвращению разведчиков солнце уже поменяло свое положение на небе. Вышколенные, они сделали вид, что не заметили Бату, и, пока были видны с яма, поднимались по склону. Он двинулся следом, то и дело оглядываясь. Спрашивать, передано ли послание, не имело смысла. На почтовых станциях все отлажено. Гонец наверняка уже скакал к следующему яму, милях в двадцати пяти от Каракорума. Через три дня его запечатанное послание попадет в руки Дорегене.

Бату шагал по высокой зеленой траве, глубоко задумавшись. Неудачный курултай опозорит Гуюка. Одновременно с ним другое послание получит Байдар, и, если воспользуется обещанием поддержки, многое изменится. Байдар станет лучшим ханом, чем Гуюк, в этом Бату не сомневался. На миг ему послышался шепот: какой-то старческий голос уверял, что из него самого выйдет хороший хан. Бату решительно покачал головой, отгоняя наваждение. Его отец хотел идти своей дорогой, прочь от ханов, прочь от стад. Разговор с Субудаем помог иначе взглянуть на время: десятилетия, даже целые века Бату увидел глазами старика. Не потерять бы это ощущение!

Он попробовал представить себе все возможные варианты будущего, потом бросил. Все просчитать нельзя. Неужели его конь скачет по костям мертвецов? Бату содрогнулся даже под теплыми солнечными лучами.

Глава 3

Давно Каракорум не видывал такого множества людей. Насколько хватало глаз, землю покрывали юрты. Целые семьи приехали увидеть, как народ принесет клятву верности новому хану. Байдар привел с запада два тумена, двадцать тысяч воинов, которые разбили лагерь у реки Орхон и теперь охраняли его. Рядом устроили лагерь четверо сыновей Сорхатани, приведшие тридцать тысяч семей. Гости заняли всю равнину; прибывшие позднее, не найдя лучшего места, ставили юрты на холмах.

При таком количестве народа тишина невозможна. Вокруг города перемещались огромные стада бляющих овец, коз, верблюдов и яков: каждое утро их гнали на пастбища, где хватало травы и воды. За несколько недель берега реки превратились в коричневую грязь. Уже случались и драки, и даже убийства. Как собрать в одном месте столько людей и чтобы никто не схватился за меч? Тем не менее дни проходили сравнительно спокойно; люди ждали, понимая, что многие вынуждены проделать долгий путь. Высокие гости ехали из Корё, что на востоке цзиньской территории, другие спешили в Каракорум из новых поселений в Персии. Чтобы собрать курултай, ушло три месяца. До дня принесения клятвы народ был готов питаться тем, что посылают из города.

Дорегене не помнила, когда спала в последний раз. Вчера выкроила пару часов... или это было позавчера? Мысли текли вяло, все суставы болели. Она понимала: нужно поспать, и чем скорее, тем лучше, не то толку от нее не будет. Порой она держалась на одном возбуждении. На организацию курултая ушли годы работы, и сейчас дел было невпроворот. Провизии заготовлено много, но, чтобы накормить гостей, требовалась целая армия слуг. Зерно и сушеное мясо выдавалось каждому тайджи, главе каждого рода, коих набралось больше четырехсот.

Дорегене вытерла лоб ладонью и с любовью глянула на Гуюка, который стоял у открытого окна. Городские стены стали выше, чем прежде, но наследник видел целое море юрт, тянувшихся за горизонт.

– Их так *много*, – пробормотал он.

Дорегене кивнула.

– Почти все прибыли. Ждем только Чулгатая, ему ведь дольше всех добираться. И Бату наверняка вот-вот объявится. Сюда спешат еще десяток не столь могущественных военачальников, сын мой. Я отправила гонцов, чтобы поторопили их.

– Порой я не верил, что все получится, – проговорил Гуюк. – Напрасно я в тебе сомневался.

Дорегене улыбнулась нежно и снисходительно.

– Зато ты научился терпению. Для хана это ценное качество.

У нее закружилась голова. Она вспомнила, что не ела целый день, и велела слугам чего-нибудь принести.

– Главное – Байдар, – проговорил Гуюк. – Уверен, его присутствие заставило и Бату изменить решение. Скажешь теперь, что посулила моим любимым двоюродным братьям?

Дорегене на миг задумалась и кивнула.

– Когда станешь ханом, должен будешь знать все, – сказала она. – Я посулила Байдару десять тысяч слитков серебра.

Гуюк изумленно вытаращился на нее. Столько серебра добывают на всех известных им приисках и, возможно, не за один год.

– А мне ты что-нибудь оставила? – осведомился он.

– Какая разница? – пожала плечами Дорегене. – Серебро на приисках не кончится. Какой резон держать слитки в тайниках под дворцом?

– Но десять тысяч слитков... Я не знал, что на свете столько есть!

– Когда Байдар станет приносить клятву, будь вежлив, – с усталой улыбкой проговорила Дорегене. – Он богаче тебя.

– А как же Бату? Раз тайники опустеют, что он пожелает в обмен на свою драгоценную клятву?

Регентша прочла усмешку в лице сына и нахмурилась.

– С ним ты тоже будешь держаться достойно. По твоим глазам, сынок, он не должен прочесть ничего. Хан не показывает людишкам, что они для него пустое место.

Гуюк не сводил с нее взгляд, и Дорегене вздохнула.

– Мы обменивались письмами через ямских гонцов. Я сообщила, что Байдар обещал принести тебе клятву, и Бату не смог отказать. Представь, я ничего ему не посулила. Я лишь сберегла его гордость.

– Гордости у него предостаточно, только это не важно. С удовольствием унижу его перед всем народом.

Разом потеряв терпение, Дорегене закатила глаза. Ну сколько раз ей нужно объяснять, чтобы сын понял?

– Если так поступишь, наживешь врага. – Дорегене положила руку сыну на плечо, не позволяя отвернуться. – Ты должен понимать это, если не думаешь, что я правила Каракорумом, полагаясь на одну удачу. Когда станешь ханом, обязательно будешь привечать тех, за кем сила. Если сломишь Бату и оставишь его в живых, он будет ненавидеть тебя до самой смерти. Если унизишь его, он не упустит шанса отомстить.

– Чингисхан в такие тонкости не вдавался, – заявил Гуюк.

– Зато вдавался твой отец. Он куда лучше Чингисхана понимал, как управлять народом. Чингис только и умел, что воевать. Держава под его рукой не знала бы мира. А под моей рукой знает. Не отмахивайся от моих советов, Гуюк.

Сын удивленно на нее взглянул. Дорегене правила народом уже более пяти лет, с тех пор как умер Угэдэй-хан. Из них два года она фактически продержалась одна с Сорхатани: войско было далеко на чужбине. О ее трудностях Гуюк прежде едва задумывался.

– Я не отмахиваюсь, – проговорил он. – Думаю, ты подтвердила, что я признаю право Бату на дарованные ему земли. Или ты предложила ему стать орлоком моего войска?

– И то и другое. Второе предложение Бату отверг. Сынок, он не из тщеславных, и это нам на руку. В трусости дело или в слабости – не важно. Как принесет клятву, отправишь его домой с богатыми дарами. Больше мы о нем не услышим.

– Боюсь я только его, – сказал Гуюк, точно самому себе. В кои веки он не лукавил, и мать стиснула ему плечо.

– Бату – прямой наследник Чингисхана, старший сын его старшего сына. Ты не зря его боишься, но больше бояться не надо. Вот соберутся все, ты созовешь тайджи и полководцев, в том числе и Бату, к себе в шатер на равнине. Ты примешь их клятвы, а в следующие недели объедешь все тумены – пусть преклоняют пред тобою колени. Так тебя увидят полмиллиона человек – в городе столько не собрать. Вот как я тебе помогла, сын мой. Вот что ты заслужил своим терпением.

Сорхатани осторожно спешила вслед за своим старшим сыном, Мунке. Тот протянул руку, чтобы помочь ей, и она улыбнулась. Как хорошо, что они снова в Каракоруме! Центр власти далеко от ее родного Алтая, но это не значит, что она не следила за мудренными политическими играми Дорегене и Гуюка. Сорхатани глянула на своего старшего и пожалела, что он поспешил с обещанием, только это теперь дело прошлое. На глазах Мунке его отец, Толуй, сдержал слово ценой собственной жизни. Разве его сын станет клятвопреступником? Нет, этому не бывать. Спешился он с достоинством; настоящий монгольский воин буквально во всем, даже во внешности – лицо круглое, плечи широкие. Носил Мунке самые простые доспехи

и слыл ярим ненавистником цзиньских изысков. «Не видать нам сегодня дорогих кушаний», – с досадой подумала Сорхатани. Мунке ратовал за скромность, видя в ней непонятное благородство. По горькой иронии, многие возжелали бы именно такого хана, особенно старые военачальники. Иные шептали, что Гуюк ведет себя не по-мужски, мол, в отцовском дворце он превратился в женщину. Иные возмутились, что по примеру отца он окружил себя надушенными цзиньскими учеными с их мудренными письменами. По первому зову Мунке добрая половина монголов встала бы под его знамена, прежде чем Гуюк почуял бы опасность. Только слово Мунке – железо, дал он его давно и на эту тему даже говорить с матерью отказывался.

Сорхатани услышала радостные крики и раскрыла объятия: навстречу ей ехали другие ее сыновья. Первым подоспел Хубилай, соскочил с коня, обнял мать и закружил ее. Странно видеть сыновей взрослыми, хотя Хулагу и Ариг-Буга еще очень молоды.

От Хубилая пахло яблоками. Вот он опустил мать наземь, чтобы обняла других сыновей. Тонкий аромат – еще один признак влияния цзиньской культуры, еще одно отличие от Мунке. Хубилай был высоким и худощавым, хотя с тех пор, как Сорхатани видела его в последний раз, сильно раздался в плечах. Волосы он убирал на цзиньский манер: гладко зачесывал назад и заплетал в тугую косу, которая раскачивалась в такт его движениям, словно хвост раздраженного кота. На нем был простой дээл; тем не менее, глядя на Хубилая и Мунке, никто не принял бы их за братьев.

Сорхатани отступила на шаг, любуясь четырьмя молодыми мужчинами, каждого из которых любила по-своему. Она заметила, что Хубилай кивнул Мунке, а тот едва ответил на приветствие. Мунке не одобрял манер брата, хотя, наверное, у братьев-погодков такое не редкость. Хубилая возмущало, что Мунке на правах старшего командует остальными. Сорхатани вздохнула: хорошего настроения как не бывало.

– Мама, юрта для тебя готова, – объявил Мунке, протягивая руку, чтобы отвести ее.

– Чуть позже, сынок. Я долго ехала сюда, но совсем не устала, – с улыбкой проговорила Сорхатани. – Расскажите, как дела в лагерях.

Мунке задумался, тщательно подбирая слова, и паузой воспользовался Хубилай:

– Байдар весь какой-то скованный. И чопорный. Поговаривают, что он даст клятву Гуюку. Большинство тайджи помалкивают о своих намерениях, но, по-моему, Дорегене с сыном своего добьются. Вот приедет Бату, и у нас будет новый хан.

Мунке свирепо глянул на брата, посмеявшего заговорить первым, но тот ничуть не смутился.

– А ты, Хубилай, принесешь клятву верности Гуюку? – спросила мать.

– Поступлю так, как ты велела, мама. – Тот раздраженно поджал губы. – Не потому, что считаю это правильным, а потому, что не хочу противостоять ему в одиночку. Я сделаю так, как ты хочешь.

– Непременно, – коротко проговорила Сорхатани напряженным голосом. – Хан никогда не забудет, кто выступил за него, а кто – против. Твой брат уже присягнул ему. Если Гуюку поклонятся Бату и Байдар, я сама дам ему клятву как властительница земель твоего отца. В одиночку протестовать нельзя. Это... опасно. Если все пойдет так, как ты говоришь, то серьезного противостояния не будет. Народ объединит отсутствие выбора.

– Напрасно Мунке поклялся ему во время Большого похода, – заявил Хубилай, посмотрев на старшего брата. – Это была первая капля, с которой начался ливень. – Он перехватил недовольный взгляд Мунке. – Ладно тебе, братец! Не верю, что ты доволен Гуюком! Ты поспешил, поклялся ему, едва услышав о смерти старого хана. Мы все это понимаем. Скажи честно: будь у тебя руки развязаны, ты выбрал бы Гуюка?

– Он сын хана, – ответил Мунке и резко отвернулся, точно разговор закончился.

– Хана, который даже не упомянул сына в завещании, – мгновенно парировал Хубилай. – По-моему, это само по себе примечательно. Мунке, сегодня мы здесь по твоей милости. Ты

дал клятву опрометчиво, когда мы знать ничего не знали. Благодаря этому Гуюк сразу получил преимущество. Надеюсь, ты доволен. Все, что натворит Гуюк-хан, будет на твоей совести.

Мунке пытался сохранить достоинство и решал, стоит ли сейчас ввязываться в спор. Хубилаю всегда удавалось его распалить.

– Братец, если бы тебе доводилось командовать войском в настоящей битве, ты понимал бы важность званий и чинов. Гуюк – старший сын Угэдэя. Он наследник ханского престола, мне это ясно и без твоих цзиньских свитков.

Затронули болезненную тему, и Мунке завелся. Пока он сражался бок о бок с Субудаем, Бату, Гуюком и остальными, Хубилай изучал в городе дипломатию и языки. Братья были очень разными, и Мунке презирал ученость своего брата.

– А отец Гуюка тоже был старшим сыном, раз уж это так важно? – поинтересовался Хубилай. – Нет, Мунке, он был третьим в очереди. Ты решил поклясться человеку, которого мы трое не признаем. Это потому, что ты старший? Думаешь, это превращает тебя в нашего отца?

– Да, если понадобится, – ответил Мунке, вспыхнув. – Когда наш отец расстался с жизнью, тебя рядом не было.

– Наш отец велел тебе возглавить нашу маленькую семью, да, Мунке? Разве он сказал: «Приструни своих братьев, сын мой»? Прежде ты об этом не упоминал.

– Он отдал мне своих жен, – холодно ответил Мунке. – Разве не ясно, что...

– Нет, глупец, не ясно! – рявкнул Хубилай. – Не все на свете так примитивно, как ты сам.

Мунке потянулся к мечу, висевшему на поясе, и брат замер, вызываяще на него глядя. Мальчишками они дрались тысячи раз, но годы сильно изменили обоих. Если бы снова дошло до обмена ударами, остались бы не только синяки.

– Прекратите немедленно! – потребовала Сорхатани. – Решили драться на глазах у всего народа? Решили опозорить своего отца и свою семью? Угломнитесь, оба!

На миг они замерли, потом Мунке бросился к Хубилаю, подняв руку, чтобы сбить его с ног. Тот примерился и со всей силы пнул старшего брата в промежность. Это место доспехи не закрывают, и Мунке беззвучно рухнул наземь. Воцарилась тишина. Разгневанная Сорхатани повернулась к Хубилаю: у того глаза округлились. Мунке заворчал и стал подниматься. Боль была невероятная, гнев – еще сильнее. Ноги дрожали, но Мунке резко выпрямился и шагнул к брату, стиснув рукоять меча. Хубилай нервно сглотнул.

Сорхатани встала между ними, голыми руками упершись в доспехи на груди Мунке. Он чуть не отпихнул ее. Огромная ручища стиснула ворот Сорхатани, но оттолкнуть женщину не смогла. Налитые кровью глаза Мунке отчаянно слезились. Тяжело дыша, он зыркнул поверх материнской головы на Хубилая.

– Я сказала: прекратите! – тихо напомнила Сорхатани. – Ты собьешь меня с ног, чтобы протиснуться к брату? Ты больше не слушаешь свою мать?

Мунке переводил взгляд с матери на Хубилая, который приготовился обороняться. Старший презрительно скривился, узнав китайскую боевую стойку, которой учил мальчиков советник прежнего хана. Сорхатани коснулась щеки Мунке, требуя внимания, и тот отпустил ее.

– Нет, Мунке, ты драться не будешь. Вы оба мои сыновья. Какой пример вы подаете Хулагу и Ариг-Буге? Они же смотрят на вас!

Взгляд Мунке скользнул к младшим братьям: те стояли разинув рты. Он снова заворчал, но взял себя в руки и произнес:

– Гуюк будет ханом. – Голос его стал хриплым, но не сорвался. – Его отец правил достойно, а мать не дала державе распасться. Ты дурак, Хубилай, если хочешь другого правителя.

Тот не ответил. Старший брат силен, как разъяренный бык. Зачем злить его? Хубилай пожал плечами и ушел прочь. Когда он скрылся из вида, Мунке ссутулился и едва не упал.

Он пытался стоять прямо, но волны боли катились от промежности к груди, вызывая тошноту. Если бы не мать, он по-детски согнулся бы пополам.

– Порой я отчаиваюсь, – грустно проговорила Сорхатани. – По-твоему, я буду жить вечно? Наступит день, когда у тебя останутся только братья. Лишь им ты сможешь безоговорочно доверять.

– Хубилай одевается и ведет себя как цзиньская шлюха, – изрыгнул Мунке. – Разве я могу доверять такому?

– Хубилай – твой брат, твоя кровь. Твой отец живет в нем так же, как в тебе, Мунке.

– Он не упускает возможности меня поддразнить. Я не глупец, мама, хоть и не обучен двадцати семи шагам бессмысленных цзиньских ритуалов.

– Разумеется, ты не глупец! Просто вы слишком хорошо знаете друг друга и можете сделать больно. Сегодня вечером вы разделите трапезу. Ради своей матери вы снова станете друзьями.

Мунке поморщился, но не ответил, и Сорхатани продолжила:

– Больно смотреть, что мои сыновья злятся друг на друга. Получается, я никудышная мать. Помиришься с братом, Мунке, если хоть немного меня любишь.

– Конечно люблю. – Он прекрасно понимал, что мать им манипулирует, но все равно сдался. – Ладно, только скажи ему...

– Никаких угроз, Мунке, никакого обмана! Если любишь меня, просто помирись с братом. Через несколько дней или недель ты получишь угодного тебе хана, а Хубилаю придется смириться. Будь великодушным победителем.

Мунке обдумал ее слова и заметно смягчился. Он умел быть великодушным.

– Брат винит меня в успехе Гуюка, – пробормотал он.

– А другие похвалят. Гуюк, когда станет ханом, наверняка вознаградит тебя за то, что ты первым встал под его знамена.

Мунке улыбнулся, чуть заметно поморщившись: боль в промежности сменилась тупым нытьем.

– Хорошо, мама. Ты, как всегда, добилась своего.

– Отлично. А теперь покажи мне юрту. Я все-таки устала.

Ямской гонец был весь в пыли. Он следовал за слугой по коридорам и чувствовал вес пыли в каждой складке одежды, в каждом шве и даже на коже. Он свернул за угол и споткнулся: усталость давала о себе знать. Он скакал целый день, вот поясница и ныла. Гонец гадал, не позволят ли ему вымыться в дворцовой купальне. Он мечтал о горячей воде и молодых служанках, вытирающих его насухо. Только мечты мечтами и останутся. Ямские гонцы вхожи всюду. Скажет, что у него личное послание для хана, и его пропустят к нему даже в разгар битвы. А вот мыться наверняка придется в реке. Потом он разведет костерок. Сунет руки в широкие рукава дээла, ляжет на спину и будет смотреть на звезды. Другие гонцы пугали, что лет через двадцать в сырую погоду начнут ныть суставы. Он надеялся, что эта участь его минует. Он ведь здоров как бык и очень молод, вся жизнь впереди. Пока странствовал, он немало повидал и понял, что нужно людям. Через пару лет накопит достаточно, чтобы купить товары и отправить караван в Бухару. И суставы напрягать не понадобится: зарабатывать он будет иначе.

Гонец глянул на сводчатый потолок и содрогнулся. Дворцом владеть он не мечтал. Хватит дома в городе, жены, чтобы еду готовила, пары детишек и добрых коней, чтобы сыновья научились ездить верхом и стали ямскими гонцами. Чем плоха такая жизнь?

Гонец остановился у сверкающих медных дверей. Караулили их два дневных стражника из отряда старого хана, бесстрастные, похожие в черно-красных доспехах на пестрых жуков.

– Послание для регента, – объявил гонец.

Один из кешиктенов изменил своей абсолютной неподвижности и уставился на молодого гонца, от которого разило лошаадьми и потом. Наскоро обыскав его, стражники забрали огниво и маленький нож. Хотели забрать и бумаги, но он вырвал их, негромко выругавшись. Послание не для глаз охраны.

– Все свое я заберу, когда выйду, – предупредил он.

Стражник лишь глянул на гонца, убирая подальше его вещи, а гонец постучался и распахнул дверь так, чтобы свет залил мрачный коридор.

За дверями скрывались комнаты, одна за другой. Во дворце гонец уже бывал, но так далеко – ни разу. Каждую из комнат караулили стражники, один из которых поднимался, чтобы провести его дальше. Вскоре ямщик увидел дородную женщину, окруженную советниками и писцами, записывающими каждое ее слово. Женщина глянула на вошедшего гонца, и тот, оставив стражников позади, отвесил глубокий поклон. Поразительно, но он узнал некоторых присутствующих, гонцов, как и он сам. Поймав его взгляд, они коротко ему кивнули.

Слуга потянулся, чтобы взять бумаги.

– Послание я отдам регенту лично в руки.

Слуга поджал губы, точно проглотив что-то горькое, но отступил. Остановить ямского гонца не смел никто.

Дорегене вернулась к прерванной беседе, но, услышав его слова, осеклась и взяла пакет, совсем тонкий, обтянутый кожей. Быстро развязала его и вытащила один-единственный листок. Гонец следил за ее взглядом, бегающим туда-сюда. Ему бы уже уйти, но любопытство не давало. Вот он, горький удел ямских гонцов, – приносишь интересные вести, а сам их знать не знаешь.

Дорегене побледнела как полотно, подняла голову и недовольно глянула на юношу, который стоял, словно в надежде услышать новости.

– На сегодня хватит, – объявила она свите. – Оставьте меня и вызовите сюда моего сына. Если понадобится, разбудите его.

Затем постучала пальцами одной руки по другой и смяла послание.

Глава 4

В ночном небе ни облачка, луна озаряла огромное сборище перед Каракорумом. В юртах уже шептались, переговаривались, сплетничали; негромкие голоса напоминали шелест ветра. Городские ворота распахнулись, и скрытый мраком отряд всадников быстро поскакал по западной дороге. В руках всадники держали факелы, поэтому и ехали в островке мерцающего света, в котором мелькали тысячи любопытных лиц и грязных юрт. В центре отряда скакал Гуюк, облаченный в богатые доспехи – эдакий сияющий Багатур. На поясе у него висел меч с рукоятью в виде волчьей головы. Еще удивительнее для зевак было видеть рядом с ним Дорегене. Она сидела в седле как мужчина – спина прямая, длинные волосы собраны в толстый хвост. Высвеченный факелами отряд галопом проскакал мимо, прежде чем Дорегене дала стражникам знак. Всадники свернули с основной дороги и поскакали по травянистой равнине меж юрт. По ночам верхом ездить опасно. Овцы в панике разбежались, не одну блеющую тварь всадники сбили с ног или раздавили. По равнине растекались крики и огоньки факелов – все больше гостей вставали с постелей и брались за мечи.

Гуюк свистнул, жестом показав на окутанный темнотой участок, над которым развевались знамена Сорхатани и ее сыновей. Три ночных стражника развернули коней и поскакали в том направлении. Остальные следовали дальше – петляли меж юрт и людей по тропкам, которые начисто исключали задуманный им маневр. На равнине среди юрт прямых дорог нет. Гуюк старательно высматривал нужные ему знамена. Вообще-то, он знал, кто где стоит, только разве во мраке разберешь?

Всадники выругались, попав на открытое пространство, которое никто не узнал, но тут один из стражников окликнул остальных. Все развернулись и придержали коней у лагеря Байдара. Озаренные факелами, его стяги полоскались на ветру. Гуюк помог матери спешиться, оглянулся и увидел, сколько народу собралось посмотреть, в чем дело. Шеренга за шеренгой, мужчины стояли с мечами наголо. Вспомнилось, как в такую же ночь Чагатай, отец Байдара, пытался напасть на Каракорум. Кто-кто, а его сын бдительность не утратит.

Гуюк некогда считал этого человека другом, но политика и убийство отца Байдара развели их. Судя по позе, Байдар ждал нападения – обнажил меч и поднял его к плечу. Желтые глаза хозяина юрты холодно блеснули, и Гуюк показал ему пустые руки, хотя меч с волчьей головой он не снимал с пояса ни при каких обстоятельствах. Байдар правил большой территорией к западу от Каракорума, и Гуюк с горечью осознал, что должен заговорить первым, как проситель. Он станет гурханом, то есть подчинит себе все мелкие ханства, но пока это не имело никакого значения. Этой ночью он был лишь наследником.

– Байдар, я без оружия. Я не забыл, что в юности мы дружили.

– Разве мы уже не договорились обо всем? – резко спросил Байдар. – Зачем ты явился? Зачем потревожил мой сон и всполошил моих людей?

Гуюк прищурился, меняя мнение о стоящем перед ним человеке. Хотелось повернуться к матери за подсказкой, но так он распишется в собственной беспомощности. В последний раз Гуюк видел Байдара, когда тот уезжал домой со своим туменом, а Чагатай считался предателем. Было время, когда Байдар мог стать правителем Каракорума, пожелай небесный владыка изменить судьбу его семьи. Вместо этого он унаследовал западное ханство и тихо там жил. Гуюк не считал его угрозой. Но власть изменила Байдара. Теперь он казался человеком, жестко принуждавшим остальных к беспрекословному послушанию. «А я таким кажусь?» – подумал Гуюк и скривился: уверенности у него не было.

– Я пригласил сюда Мунке... господин мой хан, – поговорил Гуюк, кусая губы.

Байдар эту заминку заметил. А ведь они стояли перед Каракорумом! До чего досадно называть чьи-то титулы, когда у самого ни одного нет... Гуюк почувствовал, как мать переступила с ноги на ногу, и припомнил ее наказ. Он пока не гурхан. Пока его удел – смирение.

Байдар не ответил Гуюку – он тоже отреагировал на движение Дорегене и низко ей поклонился.

– Прошу прощения, госпожа! Не ожидал увидеть тебя среди всадников: ночь же на дворе. Добро пожаловать к моему очагу! Чай уже остыл, но я велю заварить свежий.

Гуюк кипел от злобы. Почтение, с каким встретили его мать, лишь подчеркивало, как мало уважают его самого. Интересно, Байдар нарочно его проигнорировал или и впрямь уважает регентшу? Вслед за матерью наследник двинулся к юрте Байдара и с раздражением подметил, как та наклоняет голову и входит внутрь. Воины Байдара не сводили с него глаз. Нет, не с него, а с меча у него на поясе. Гуюк ошетинился: они что, запугать его решили? Неужели он сплунит и вытащит меч после того, как в юрту вошла его родная мать?

К его вящему удивлению, один из стражников Байдара приблизился и отвесил глубокий поклон. Стража Гуюка плотнее обступила своего господина, но тот лишь отмахнулся и по-прежнему раздраженно спросил:

– В чем дело?

– Господин, позволь мне прикоснуться к вашему мечу, только к рукояти. Потом буду детям об этом рассказывать.

Гуюк неожиданно понял, почему воины Байдара не сводят с него глаз, и покровительственно улыбнулся. Меч с волчьей головой на рукояти носил его отец Угэдэй, а до него – Чингисхан. Но чтобы меч лапали незнакомые стражники... От одной мысли Гуюк содрогнулся.

– Нам с твоим господином нужно многое обсудить, – начал он.

Как назло, стражник потянулся к мечу, замороженно глядя на рукоять, словно это была христианская реликвия. Гуюк отсек бы наглецу руку, если бы не чувствовал на себе взгляды воинов, большинство которых были преданы не ему, а Байдару.

– В другой раз! – рявкнул Гуюк и, чтобы избавиться от назойливого стражника, нырнул в юрту.

В юрте Дорегене сидела рядом с Байдаром. Давненько Гуюк не бывал в жилище из жердей и войлока и с новой остротой прочувствовал, как тесно в юрте, как воняет овцами и сырыми шерстяными одеялами. В центре на огне шипел старый чайник, у которого хлопотала молодая служанка. От волнения она суетилась – чашки так и звенели. В юрте мало места для символов богатства и власти. По-простому жить куда легче, чем на каждом шагу спотыкаться о дорогой китайский фарфор. Какой-то миг Гуюк боролся с собой. Садиться рядом с Байдаром казалось нарушением приличий, а сесть рядом с матерью значило оказаться в подчиненном положении. Нехотя Гуюк опустил на постель возле Дорегене.

– Это ничего не меняет, – негромко проговорила та. – В Каракоруме собрался весь народ, все облеченные властью мужчины и женщины, кроме одного. Для клятвоприношения этого достаточно.

– В таком случае вы рискуете, Дорегене, – отозвался Байдар. – Я хорошо знаю Бату. Не стоит отсекал его от народа.

Лицо его казалось задумчивым и встревоженным. Гуюк присмотрелся, но ни злорадства, ни вероломства не увидел.

Раздался стук копыт: к юрте Байдара прискакал всадник. Байдар поднялся и посмотрел на закипающий чайник.

– Подождите меня здесь. Эрден, подай гостям соленый чай.

Байдар оставил гостей. Но осторожный Гуюк не верил, что их невозможно подслушать. Чай девушка подала, как рабыня: руки высоко подняты, голова опущена. Гуюк хотел взять пиалу, но потом сообразил, что она предназначена его матери. Он стиснул зубы в ожидании

своей порции. Иерархия, снова иерархия... Впрочем, скоро он все изменит. Какие бы козни ни строились, он не позволит Бату лишиться его шанса стать ханом.

Байдар вернулся в юрту с Мунке, и Гуюк встал, чтобы их поприветствовать. Дорегене невозмутимо потягивала свой чай. В юрте и так было тесно, а в присутствии Мунке стало не продохнуть. Широкоплечий сын Толюя успел надеть доспехи. «Может, он спит в них?» – гадал Гуюк. Нынешней ночью его ничего не удивило бы.

Первой Мунке поприветствовал Дорегене, потом поклонился Гуюку, низко, как давший клятву кланяется господину. Байдар этот поклон заметил, и у Гуюка сразу улучшилось настроение. Он уже раскрыл рот, чтобы заговорить, но, к его досаде, мать заговорила первой.

– Мунке, Бату на сход не явится, – объявила она. – Я получила от него послание.

– Чем он это объясняет? – осведомился Байдар; потрясенный Мунке промолчал.

– Какая разница? Бату пишет, что был ранен на охоте и приехать не может. Но это ничего не меняет.

– Это меняет все, – тихо и рассудительно возразил Мунке. Гуюк невольно подался вперед, чтобы не пропустить ни слова. – Курултай окончен. А как же иначе? Бату не глава захудалого племени, а голос нашего народа, хотя власть свою не использует. Если Гуюк станет ханом в его отсутствие, в будущем может разгореться междоусобная война. Войны никто из нас не хочет. Я вернусь к своим туменам, к своим семьям и скажу, что в этом году нового хана не будет. – Мунке повернулся к Гуюку. – Я дал тебе клятву, господин, и изменять ей не намерен. Просто тебе нужно чуть больше времени, чтобы привести на сход Бату.

– Не нужно мне времени! – рявкнул Гуюк. – Спешу напомнить: вы все обещали присягнуть мне. Исполните обещание, а с Бату я разберусь потом. Нельзя, чтобы один человек поверг державу в хаос, кто бы он ни был.

Еще немного, и Гуюк прикажет им подчиниться – Дорегене почувствовала это и поспешила вмешаться, пока он не оскорбил своих облеченных властью гостей:

– Все мы очень старались, чтобы курултай прошел спокойно, хотели выбрать хана без лишних раздоров. Теперь это невозможно. Но, думаю, Гуюк прав. Народ заждался нового хана. Муж мой умер почти пять лет назад. Много ли земель покорено с тех пор? Мы не захватили ничего и начинаем терять власть и авторитет. Принесение клятвы должно состояться даже в отсутствие одного из приглашенных. Мы выберем нового хана, а Бату сможет дать клятву отдельно, когда его призовет властитель всего народа.

Мунке медленно кивнул, а Байдар отвернулся и поскреб вспотевшую подмышку. Никто из присутствующих не знал, что гонец доставил ему личное послание. Если рассказать, что Бату обещал свою поддержку ему, он, Байдар, почти наверняка подпишет смертный приговор старому приятелю. Если, конечно, самому не ввязаться в борьбу. Этой ночью Гуюк, Дорегене и Мунке в его власти, в окружении его воинов. Можно одним махом расчистить себе дорогу, на что Бату наверняка рассчитывал.

На миг Байдар сжал кулаки, но потом бессильно опустил руки. Чагатай, его отец, не колебался бы. Кровь Чингисхана в каждом из них. Но Байдар видел слишком много боли и крови, пролитой ради амбиций. Он покачал головой: решение принято.

– Хорошо! Пусть все принесут клятву в новолуние, оно через четыре дня. Новый хан нужен народу как воздух, а я сдержу слово.

Напряжение в тесной юрте достигло апогея, и Гуюк повернулся к Мунке. Здоровяк потупился и кивнул.

Гуюк не мог не улыбнуться. Помимо присутствующих и Бату, серьезных соперников у него нет. Сколько лет он ждал – и вот наконец замаячил шанс получить отцовское наследство. Гуюк едва слышал, как мать обещает, что после принесения клятвы Бату призовут в столицу. Неужели они верят, что он примет сына Джучи как друга? Может, мать рассчитывает, что он

уподобится великому правителю и проявит великодушие по отношению к тому, кто пытался, но не сумел сорвать его планы?

Смех снял напряжение. Байдар принес бурдюк с араком и чашки. Мунке похлопал Гуюка по спине – поздравляю, мол, – и тот хмыкнул, довольный неожиданным поворотом событий. Затем поднял свою чашу, сдвинул ее с другими и наслаждался холодным напитком. С Бату он посчитается, мысленно пообещал себе Гуюк.

К рассвету народ был готов. Долгие недели шли приготовления к принесению клятвы: в огромном количестве запасалась провизия, чистились, чинились, натирались до блеска оружие и доспехи. Воины выстроились правильными квадратами и теперь молча ждали, когда ворота Каракорума отворятся. Суэта и паника прошлых дней исчезли без следа. За ворота выехали всадники во главе с Гуюком. Он сидел в седле с достоинством, облаченный в серосиний дээл, который выбрал намеренно: сегодня ничего чужеземного и вычурного – все должно быть очень просто.

После первого курултая, созванного Чингисханом, их было так мало, что почти никаких традиций не сложилось. У городских ворот разбили большой шатер; там и спешился Гуюк, едва солнце поднялось над восточными горами, и передал вожжи слуге. Когда он занял место у шелкового шатра, приблизилась первая группа. Если не лопнет мочевого пузыря, в шатер он не войдет и не присядет, как бы нещадно ни палило солнце. Народ собрался посмотреть, как он станет ханом.

В первой группе внимание привлекали Байдар, Мунке, а еще Сорхатани с Хубилаем и другими сыновьями. Здесь было почти четыреста человек, главы знатнейших семейств, в кои веки разлученные с помощниками, слугами и рабами. Кто-то нарядился в яркие шелка, кто-то облачился в простые доспехи, в зависимости от того, что считали более сообразным случаю. Никаких родовых знамен – человек смиренно приближается к Гуюку, преклоняет колени и клянется.

Даже в той группе существовала иерархия: первой подошла Дорегене, за ней – Сорхатани. Эти женщины правили державой в одиночку, сохранили ее после смерти Угэдэй-хана. В глазах матери, преклонившей колени, Гуюк увидел лишь удовлетворение. Он едва позволил Дорегене опуститься на землю – тотчас поднял и прижал к себе.

Сорхатани так легко не отделалась. Клятва – гарантия ее верности, но Гуюк не одобрял женщин-правительниц. Он решил со временем передать ее полномочия Мунке, отец поступил бы именно так. Сорхатани уцелела – значит удачлива; но женщины слишком переменчивы, слишком склонны к досадным ошибкам. А вот Мунке в опрометчивости не заподозришь. Гуюк полюбовался своим боевым товарищем: тот приблизился вслед за Сорхатани и повторил клятву, которую уже давал в далекой земле. Так зародился поток, воды которого принесли их сюда.

Следующим подошел Хубилай, и Гуюк отметил ум, светившийся в глазах молодого человека, который говорил о юртах, конях, соли и крови. Со временем и Хубилаю нужно пожаловать какой-нибудь высокий чин. Гуюк упивался своими планами: наконец он может думать как хан, а не просто мечтать.

На смену утру пришел день, а Гуюку уже казалось, что все гости на одно лицо. Главы семей, правители далеких стран, к шатру они подходили тысячами. У иных уже просматривались иноземные черты: так, старшие дети Чулгатая смахивали на корейцев. «Надо приказывать им, чтобы заключали достойные браки, не то кровь покоренных народов захлестнет монгольскую», – подумал Гуюк. От возможности отдавать такие приказы голова кружилась, точно от арака, сердце бешено стучало. Уже завтра его слово станет законом для его миллионного народа и еще миллионов тех, кто ему подвластен. Государство-то разрослось до пределов, о которых Чингисхан и не мечтал.

С наступлением вечера Гуюк объехал большие лагеря. Став ханом, он не тратил времени на ликование. Вместо этого заглядывал то в один лагерь, то в другой, чтобы люди преклоняли колени и клялись ему в верности. Гуюка сопровождали стражники, готовые обрушиться на любого, кто откажется, но опасения оказались напрасны. Сгустились сумерки, зажглись фонари. Гуюк поел и вернулся во дворец переодеться и справить нужду. Еще до рассвета он снова пустился в путь – отправился к самым бедным и простым своим подданным, к иноземным работникам. Те рыдали от восторга, получив единственный неповторимый шанс увидеть лик хана, силились навсегда запомнить его черты, озаренные солнцем. Гуюк грелся и нежился в его лучах. Он теперь хан, подданные уже готовятся к многодневному пиршеству. Не слишком огорчали даже мысли о Бату, окопавшемся в покоренных русских землях. Сегодня день его, Гуюка, – он наконец властитель. Грядущее празднование радовало его все больше. Дворец станет центром красоты и молодости – центром нового поколения, которое развеет прах прошлого.

Глава 5

Дорегене опустилась на скамью в садовой беседке, чувствуя возле себя дух мужа. Лето задержалось, и город раскалился. Грозы то и дело бушевали среди редкой для этих мест, державшейся уже несколько месяцев жары, которая на пару дней сменялась дождевой прохладой, потом все начиналось снова. Воздух в эту пору был тяжелым, напоенным влагой предстоящих ливней. Собаки, тяжело дыша, валялись на углах улиц; каждое утро начиналось с уборки одного или двух трупов и с женского плача. У Дорегене уже не было власти. Пока Гуюк не стал ханом, она могла послать дневную стражу, чтобы выбить признания из десятка свидетелей или вышвырнуть из города воровскую шайку. За одну ночь она потеряла возможность командовать и теперь могла лишь обращаться к сыну, словно обычная просительница.

Сейчас Дорегене сидела среди вороха листьев, ища умиротворения, но не могла обрести его даже в обществе Сорхатани.

– Только не говори, что рада отъезду из города, – сказала вдова Толюя.

Дорегене похлопала по скамье рядом с собой, но невестка садиться не хотела.

– Мать не должна следить за каждым шагом, каждой ошибкой молодого хана. Старости следует уступить место молодости. – Дорегене говорила неохотно, фактически повторяя высокопарную речь, которую Гуюк произнес тем самым утром. – Угэдэй оставил мне прекрасный дворец, так что мне будет удобно. Да я и впрямь стара. Порой с ног валюсь от усталости.

– Он от тебя избавляется, – проговорила Сорхатани и подняла с дорожки тонкую ветку. Наверняка та упала утром, не то цзиньские садовники уже убрали бы ее. У Сорхатани в руках ветка гнулась не хуже хлыста. – Сыну следует уважать твои заслуги – именно ты спасла ханство, оказавшееся на грани раскола.

– Даже если и так, Гуюк – хан. Я годами этого добивалась – и добилась. Мне ли теперь жаловаться? Не глупо ли это с моей стороны?

– Не глупо, а по-матерински, – поправила Сорхатани. – С родными сыновьями мы все глупы. Моем их, кормим грудью, а в ответ ждем благодарности до скончания их дней. – Сорхатани хмыкнула: настроение вмиг изменилось. Дорегене тоже улыбнулась, хотя в действительности приказы сына ее обидели.

– Тебя, Сорхатани, он из города не высылал, – заметила она.

– Не высылал, потому что возвысил Мунке. Орлок ханского войска – о таком мой сын не помышлял. Никогда.

– Знаю. В кои веки Гуюк внял моему совету. Мунке – потомок Чингисхана. Тумены за ним пойдут. Мой сын полностью ему доверяет, Сорхатани. Это важно.

Вдова Толюя промолчала. Как она и предсказывала, начало правления Гуюка принесло Мунке много пользы. А вот Хубилай командовать войском Гуюка не стал бы никогда. Почему-то и он, и новый хан сразу почувствовали друг к другу неприязнь. Уже дважды Сорхатани усылала Хубилая из города якобы по поручению, чтобы сын в присутствии Гуюка не наделал чудовищных ошибок. Они злились друг на друга, как коты, чему ни Хубилай, ни сама Сорхатани не могли найти разумного объяснения. Порою ей хотелось, чтобы Гуюк отправил ее на родину, подальше от городской жары, вони и толчеи, подальше от политики, которая не дает спокойно прожить и дня. Но ее не отсылали, и даже это вызывало подозрения. Вряд ли Гуюк ценил ее как советчицу, а воспоминание об одном разговоре с его отцом до сих пор тревожило Сорхатани. Много лет назад Угэдэй предложил ей выйти замуж за его сына. При мысли об этом она до сих пор содрогалась. Угэдэй не стал ее неволить, а Гуюк вовсе не так щепетилен, как его отец. При нынешнем раскладе после ее смерти земли, где родился Чингисхан, унаследует Мунке или другой из ее сыновей, если она напишет завещание и если ее волю выполнят. Сорхатани оставалось лишь надеяться, что Гуюк согласится править двумя отдельными ханствами,

только вряд ли у него были такие планы. Наоборот, Сорхатани он казался жадным глупцом, который думает лишь о том, как бы побольше урвать. Досадно, что у молодого красивого мужчины столько внутренних изъянов. Некоторых людей власть раскрывает с лучшей стороны, но у Гуюка подобных изменений не наблюдалось.

Существовала еще одна проблема, которую нельзя обсуждать с Дорегене. Сорхатани не вправе указывать ей на недостатки Гуюка. Неделю назад тот отказался встречаться с корейскими вельможами, вместо этого ускакав со свитой на охоту. Сорхатани невольно поморщилась, вспомнив напряженную встречу с гостями. Словами и дарами пыталась она сгладить оскорбительное отсутствие хана, но заметила и злость, и безмолвные взгляды, которыми обменивались корейцы. Гуюк вернулся через несколько дней и отправил Яо Шу, своего советника, выслушать их просьбы. Сорхатани могла сделать это и сама, надели ее Гуюк соответствующими полномочиями.

Воспоминания о том происшествии заставили женщину покраснеть от злости. Тогда она в кои веки пробилась к Гуюку, вопреки яростному протесту его слуг. Хотелось внушить ему, что жизнь – не бесконечные пирушки и охота с друзьями. Хан должен править каждый день, принимая решения, которые другим не под силу.

Но ее слова не нашли отклика. Какое там – Гуюк рассмеялся и отослал ее прочь, фактически прогнал. Об этом с Дорегене говорить тоже нельзя – только не в тот момент, когда она собралась уезжать, завершив труд своей жизни. Сорхатани чувствовала, что будет скучать по невестке, хотя полной откровенности между ними не было никогда.

Если бы не Хубилай, Сорхатани потеряла бы рассудок среди лжи, глупости и круговой поруки. Сын хотя бы слушал ее. И поражал своей проницательностью. Казалось, он знает все, что творится в городе, хотя, наверное, тут помогали соглядатаи, не менее ловкие, чем у Сорхатани. В последние дни тревожился даже Хубилай. Гуюк что-то затевал, постоянно посылая своим туменам новые приказы. Каждый день его воины упражнялись на равнинах с пушками, и город провонял порохом. Среди ямских гонцов у Сорхатани имелся шпион. Вот только ханские послания зачастую пересылались запечатанными, и вскрыть ханскую печать значило рискнуть жизнью гонца, а Сорхатани им дорожила. Примечательна была сама секретность. Сорхатани чувствовала, что бродит в тумане. Может, Хубилай что-то выяснил или до чего-то додумался? Вечером нужно будет с ним потолковать...

Женщины подняли головы, заслышав шаги дневных стражников Гуюка. Дорегене со вздохом встала и посмотрела вдаль, словно надеясь запечатлеть этот город в памяти. Под бесстрастными взглядами кешиктенов подруги обнялись. Грузные подводы и слуги уже ждали, чтобы отвезти Дорегене в далекий дворец на реке Орхон. Лето уходило, и Сорхатани не верила, что невестке позволят вернуться. Гуюк открыто упивался властью, хотя и облекал приказы в красивые слова и комплименты.

– Я навещу тебя, – проговорила Сорхатани, борясь с нахлынувшими чувствами.

Она не могла пообещать, что станет держать Дорегене в курсе дел, – только не при стражниках, которые передадут все услышанное Гуюку. Бывшая регентша кивнула, хотя в глазах у нее блестели слезы. Она посадила сына на ханский престол, а тот отплатил ей ссылкой, хотя, конечно, выразился иначе. Ложь и заговоры – казалось, ничего иного безжизненным камням города и не породить.

Стражники повели Дорегене прочь; на фоне их молодости и силы она казалась хрупкой и сторбленной. На миг Сорхатани даже испугалась: ее лишили покровительницы. Несмотря на кутежи и охоту, Гуюк планомерно укреплял свою власть. Отныне Сорхатани не могла спокойно смотреть в будущее. Без разрешения Гуюка она даже домой вернуться не может. Она словно попала в клетку к голодному тигру и не знала, когда он вскочит и разорвет ее на части.

Вдали раздался пушечный залп, и Сорхатани вздрогнула. Мунке там, командует военными учениями. Женщина беззвучно взмолилась, чтобы ее сыновья не пострадали при новом хане.

Гуюк расхаживал по пустым коридорам. Недавно своим указом он запретил слугам попадаться ему на глаза, вот они теперь и прячутся. Несколько дней назад хан налетел на девушку, не успевшую отступить в сторону. Гуюк, не задумываясь, велел ее наказать. Во дворце слишком привыкли к размеренности. К неспешной поступи стариков, особенно его отца. Новые порядки Гуюк собирался вводить ненадолго – пусть при виде его научатся шевелиться, – но ему очень понравилось смотреть, как при встрече с ним мужчины и женщины бросаются враспынную, боясь просто попасться ему на глаза.

Гуюк зашагал быстрее, с ухмылкой наблюдая, как слуги разбегаются по смежным комнатам. Молва летела впереди него: хан выискивает новую жертву. Не останавливаясь, он толкнул медные двери и вошел в зал для приемов.

Там он увидел Сорхатани и Яо Шу, бывшего советника отца. Своей очереди ждали еще десятки человек, старавшиеся не показывать, что томятся в зале уже полдня. Гуюк, не обращая на них внимания, прошагал по каменному полу к золоченому трону, инкрустированному лазуритом, поблескивающим в льющемся из окна свете. По крайней мере, сюда долетал свежий ветерок с улицы. Гуюк усвоил цзиньский обычай часто мыться, и от вони грязных тел в тесных комнатах его начинало тошнить.

Сорхатани внимательно следила за реакцией окружающих на появление хана, тщательно скрывая свои эмоции. Она могла бы заговорить первой, но за часы ожидания они с Яо Шу согласовали порядок действий. Очередное оскорбление – потеря многих часов, пока Гуюк играет в игры со слугами. Досаду и раздражение нельзя показывать. Нужно помнить, что слово хана – закон, а малейшие признаки недовольства будут стоить ей земли, а то и жизни. Так что начинать лучше Яо Шу. Старик – само самообладание, волю эмоциям никогда не дает.

– Господин мой, – начал цзинец, приближаясь к Гуюку с глубоким поклоном; в руках он держал пергаментные свитки, на которые правитель неодобрительно посматривал. – Возникло множество вопросов, и решить их под силу только хану. – Гуюк хотел что-то сказать, но Яо Шу его опередил: – Правитель Корё просит выслать тумен для защиты от разбойников, бесчинствующих на побережье. Посланников в Каракорум он шлет уже в третий раз...

Яо Шу перевел дыхание, но Гуюк лишь поудобнее устроился на троне.

– Что еще? Продолжай, – любезно проговорил он.

– Господин мой, на цзиньской территории у нас есть тумены. Передать через ямского гонца, чтобы помогли корейцам?

– Конечно. – Гуюк махнул рукой. – Отправь им два тумена. Что еще?

Яо Шу захлопал глазами, удивляясь настроению Гуюка, но быстро продолжил, решив извлечь из него все возможное:

– Правитель Си Ся жалуется, что для его государства дань чересчур высока. В сельской местности бушевала чума и выкосила половину крестьян, работавших на полях. Он просил на год отменить уплату дани.

– Нет, послаблений не будет.

– Господин, такой жест подарит вам союзника еще преданнее, чем ныне.

– И соблазнит каждого мелкого правителя рыдать у меня под дверью. Я сказал «нет», советник. Следующий вопрос.

Яо Шу кивнул, быстро перебирая пергаменты.

– Накопилось более восьмидесяти прошений на вступление в брак, господин мой.

– Отложи их. Прочту потом в своих покоях. Что-то примечательное среди них есть?

– Нет, господин мой, – отозвался Яо Шу.

– Так давай дальше.

Сорхатани чувствовала, что цзинец нервничает. Раньше Гуюк ленился, доклады советников слушал с откровенным нетерпением. Так быстро он прежде ничего не решал, и Сорхатани гадала, *что* он им сейчас доказывает. Неприязнь к новому хану все нарастала. Его отец, Угэдэй, не отмахнулся бы от вестей о чуме, словно тысячи мертвецов не имели значения, а моровое поветрие не могло распространиться. Яо Шу говорил, что государству необходимы корабли, а Гуюк с насмешкой отказывался выделить нужные средства. Но ведь в империи Цзинь есть выход к морю, а заморские жители бороздят его с не виданной монголами сноровкой.

Яо Шу поднял множество вопросов – и на каждый получил молниеносный ответ. Услышав иные из них, Сорхатани беззвучно стонала, но даже это было лучше бездействия последних дней. Мир не стоит на месте, пока Гуюк охотится с милыми его сердцу птичками.

За окном стало смеркаться, и хан велел принести еду и питье, но исключительно для себя. Нужды других его не интересовали. Через несколько часов Яо Шу закончил и передал слово Сорхатани.

Едва та приблизилась к трону, Гуюк подавил зевок.

– Пожалуй, на сегодня хватит. Тебя, Сорхатани, я выслушаю завтра первой.

– Господин мой, – в ужасе начала она, а в переполненном зале поднялся недовольный ропот. Гуюк отмахивался не от одной Сорхатани; его слышали и высокие гости, приехавшие издалека ради встречи с ним. Женщина собралась с духом, велев себе продолжать. – Солнце еще не село, господин мой. Скажи хотя бы, ответил ли Бату? Он приедет в Каракорум, чтобы принести клятву?

Гуюк уже собрался уходить. Он застыл, стоя спиной к Сорхатани, и, обернувшись, с упреком проговорил:

– Советников это не касается. Я сам разберусь. – Улыбка у хана получилась неприятной, и Сорхатани впервые заподозрила, что Бату вообще не вызывали. Уже у дверей Гуюк бросил через плечо: – Продолжайте все работать, государство никогда не спит.

Следующим утром, на заре, Сорхатани разбудили слуги. Во дворце у нее остались покои, пожалованные ей, когда она помогала Дорегене в годы кризиса после смерти Угэдэя. Гуюк пока не посмел отобрать их, хотя Сорхатани не сомневалась, что со временем, освоившись в роли хана, он дойдет и до этого. Она села в постели. Слуга постучал в дверь и опустил голову, чтобы не видеть госпожу. Монголы нагими не спят, но Сорхатани переняла цзиньскую манеру спать в тончайшей шелковой сорочке, и, пока слуги не привыкли, порой случались неловкие ситуации.

Что-то не так – это Сорхатани поняла, когда увидела стражника вместо девушки, которая по утрам помогала ей мыться и одеваться.

– В чем дело? – сонно спросила она.

– Твой сын Хубилай, госпожа, хочет с тобой поговорить. Я предложил ему вернуться, когда ты оденешься, но он не уходит.

Сорхатани едва сдержала улыбку при виде плохо скрытого раздражения слуги. Хубилай умел вывести из себя. Если бы не личная охрана матери, он бы и в спальню к ней ворвался.

Она накинула халат, перепоясалась, вышла в комнату, освещенную мягкими серыми лучами зари, и вздрогнула, увидев там Хубилая в темно-синем шелковом платье. Сын перехватил ее взгляд, устремленный на встающее за окном солнце.

– Мама, ну наконец-то! – воскликнул он и улыбнулся, глядя на сонную и растрепанную мать. – Хан уводит тумены из города.

Хубилай показал на простирающиеся за окном долины. Покои Сорхатани располагались достаточно высоко, и она увидела темную массу скачущих строем всадников. При виде их вспомнилось, как летом над городом плыли грозовые тучи. Но внезапно мысли ее прояснились, а губы сжались в тонкую полоску.

– Гуюк упоминал, что перебрасывает тумены? – спросил Хубилай.

Сорхатани покачала головой, как ни горько ей было признавать, что хан не поставил ее в известность.

– Это... странно, – тихо проговорил Хубилай.

Сорхатани перехватила его взгляд и отослала слуг заваривать чай. Оставшись наедине с матерью, Хубилай вздохнул с облегчением.

– Если Гуюк хочет показать свою власть или просто учения задумал, то тебе, наверное, сказал бы, – продолжал он. – Понимает ведь, что полгорода соскочит с постелей и будет смотреть. Войско тайком не переместишь, это Гуюк тоже понимает.

– Скажи, что он на самом деле затеял?

– По слухам, Гуюк ведет их на запад, в горы, чтобы испробовать новых людей и привязать к себе тяжелыми продолжительными учениями. Рыночные торговцы слышали ту же историю, и это меня беспокоит. Слишком похоже на слухи, которые кто-то намеренно распустил.

Сорхатани едва сдерживала нетерпение, пока ее сын обдумывал возможные варианты, выбирая один. Она слишком хорошо его знала и доверяла его здравомыслию.

– Бату, – наконец объявил он. – Дело наверняка в нем. Одним стремительным ударом Гуюк разделается с единственным человеком, который не присягнул ему.

Сорхатани прикрыла глаза. Они по-прежнему были одни, только разве мало любителей подслушивать? Она подошла к сыну близко-близко и чуть слышно проговорила:

– Я могла бы его предупредить.

Хубилай отстранился и заглянул ей в глаза.

– И рискнуть нашими жизнями, – добавил он, почти касаясь губами головы матери, словно утешал ее. Даже тайный наблюдатель не определил бы, разговаривают они или нет: Хубилай шептал, вдыхая аромат ее волос.

– Я должна бездействовать, глядя, как убивают твоего двоюродного брата?

– Есть ли у тебя выбор, коли такова воля хана?

– Не могу оставаться в стороне и не дать Бату шанса. Гонцам по силам обогнать войско.

– Это опасно, – покачал головой Хубилай. – Ямские гонцы запомнят, что везли послание.

Если Бату спасется, Гуюк восстановит цепочку, пока не доберется до тебя. Нет, мама, этого я допустить не могу.

– Я велю кому-нибудь из слуг отнести письмо на станцию.

– Кто из них выдержит встречу с разъяренным ханом? Слугу можно купить, а можно сломать, чтобы заговорил. – Хубилай сделал паузу, глядя вдаль. – Вариант один – кто-нибудь не из ямских гонцов воспользуется ямскими лошадьми. Иначе Бату вовремя не предупредить, если ты и впрямь этого хочешь.

– Хубилай, ханом должен был стать он.

Сын схватил ее за руки, едва не причинив боль.

– Мама, не говори так. Даже мне. Во дворце теперь небезопасно.

– Вот именно, Хубилай. Шпионы повсюду. Еще год назад я могла не следить за каждым своим словом, не боялась, что какой-нибудь надушенный придворный донесет своему господину. Новый хан отослал прочь Дорегене. Я здесь тоже не задержусь. Сынок, позволь мне расстроить его планы. Помоги!

– Я отвезу послание, – вызвался Хубилай. – Чтобы не осталось ни записок, ни других следов.

Он думал, что мать возразит, но та поняла, что иначе не получится, и, отстранившись от него, кивнула. Глаза у нее блестели от гордости за сына, голос зазвучал с обычной силой:

– Отлично, Хубилай. Отправляйся на равнину и посмотри на всадников. Вечером расскажешь, что видел. Хочу знать все.

Соглядатай не услышал бы ничего подозрительного, хотя оба понимали, что Хубилай не вернется.

– Мунке будет рядом с ханом, – проговорил Хубилай. – Как же я ему завидую.

– Он же орлок хана, его самый верный сподвижник, – отозвалась Сорхатани.

Предупредить его не имело смысла. Мунке никогда не узнает, что они решили спасти Бату. Старшему брату Хубилая такие секреты доверять не стоило.

Глава 6

Гуюк знал, как эффектно смотрится на белом скакуне из унаследованного им ханского табуна. Вопреки еженощным пирушкам с обильными возлияниями и яствами, молодость помогала ему сохранять стройную фигуру. Большого обоза, необходимого для долгой кампании, он с собой не вез, чтобы раньше времени не развеять миф об учениях в горах. Тем не менее коней хан взял в два раза больше, чем воинов, что позволило захватить достаточно снеди и утвари для приятной и необременительной вылазки.

Легко было представить, как эти земли объезжал дед: дозорные впереди, войско позади. Гуюк вспоминал Большой поход на запад, себя бок о бок с Субудаем... Воссоединение с войском вызывало смутную тоску о прошлом. Да, выступил он не на заре, как было принято, а ближе к полудню – стук в висках и тяжесть в животе Гуюк унял далеко не сразу. Лицо у него опухшее, веки набрякли, зато от верховой езды мысли быстро прояснились и захотелось есть. Гуюк опасливо потрогал живот – да, расплылся малость... Ничего, бросок на две тысячи миль приведет тело в норму.

Хан перевел взгляд на простирающиеся впереди равнины, и настроение у него тотчас же испортилось. Нужно соблюдать осторожность, хотя порой казалось, что его секреты известны всем военачальникам. Вопреки собственному желанию, полностью Гуюк не доверял никому. Мунке ехал чуть позади него с туменами, и по серьезному, хмурому лицу своего орлока Гуюк чувствовал, что многие осуждают его склонности. Вспомнилась мать Мунке, улыбающаяся плутовка, которая из Угэдэй-хана веревки вила. Избавиться бы от нее... Но мать важного человека вроде Мунке просто так не прогонишь. Верных людей у хана много: обмолвишься при ком-нибудь из них о своем желании, и Сорхатани исчезнет. Мало ли воинов, готовых исполнить ханскую волю даже с риском для собственной жизни? От такой власти кружилась голова, но Гуюк не забывал об осторожности и старался держать язык за зубами, хотя порой становилось невмоготу.

Справа от него заревел боевой рог, и Гуюк отогнал наваждение. Когда он поднял голову, два тумена неслись вперед с копьями, что за сегодняшнее утро случалось уже раз десять. После каждых двух-трех миль тумены давали отдых коням и дожидались остальных. Так выглядела внешняя сторона вылазки, и роптать Гуюк не мог, хотя грохот и крики раздражали. Во время каждой паузы воины ставили мишени и тренировались стрелять на полном скаку – выпускали, а потом снова собирали тысячи стрел. Зрелище впечатляло, и поначалу Гуюк радовался, что командует таким мощным войском, но после первой недели радость притупилась, хотя нередко он развлекался, представляя Бату привязанным к мишени.

От одной мысли о таком кровь прилиwała к щекам. Шпионская сеть Угэдэя меркла по сравнению с той, что соткал Гуюк. Ежевечерне тысячи подслушанных разговоров стекались к старшему, а тот передавал их Гуюку. Даже воинам туменов, осмелившимся критиковать хана, приходилось отвечать за свою опрометчивость. А вот Бату никто не критиковал. Его называли любимцем Субудая, внуком Чингисхана, не испачкавшим руки в политике и торговле. Такие разговоры приводили Гуюка в бешенство. Со временем простые воины научились не болтать лишнего, даже среди друзей, и после первых наказаний поток сомнительных разговоров почти иссяк, но Гуюк продолжал слушать. По его приказу двоих привязали к столбу и высекли. Двоих убили, обвинив в подстрекательстве к мятежу. Гуюк лично наблюдал, как одному из них перед казнью вырывают язык металлическими щипцами. Хан чуть заметно улыбнулся, вспомнив пытку. Кто теперь отважится призывать к мятежу?

Гуюк твердо верил, что такие меры не подорвут его авторитет, а наоборот, укрепят. Воинам полезно знать, что новый властитель насаждает порядок так же решительно, как в свое время Чингисхан. Воины должны его бояться. Они не побегут от врага на глазах у своего хана.

Еще сто с лишним миль войско двигалось на запад, потом на два дня остановилось отработать боевой порядок в атаке. А утром третьего дня Гуюк повернул войско на север, к русским землям, которые его отец так необдуманно даровал врагу. Тот род насквозь гнилой! Отец Бату был предателем, и дурная кровь передалась сыну. Доверия между ними не было бы, даже явись Бату в Каракорум и принеси клятву. Сын предателя только осквернит ее! Паршивое семейство нужно выкорчевать и сжечь дотла. Гуюк вспомнил, как давили на него мать и Сорхатани. Ни та ни другая не понимали: врага следует уничтожить. Если он оставит Бату в покое, то покажет себя слабым ханом, боящимся нанести решительный удар. Гуюк тайком улыбнулся: этот пример проложит дорогу вперед и станет уроком любому, кто хотел испытать на прочность нового хана. Пусть убеждаются! Все, от корейцев и арабов до западных жителей, пусть услышат весть о гибели Бату и подумают, стоит ли сопротивляться монголам. Об ужасной участи Бату узнают и в пустынях, и в горах, и на зеленых равнинах. Слово факел, эти вести расчистят Гуюку путь к вершине. Так что Бату еще послужит своему хану.

С расстояния в две мили Хубилай наблюдал за войском – длиннющей пропыленной колонной всадников. Приблизиться к ним было опасно, но Хубилай отлично знал шпионскую тактику и двигался параллельно ханской армии. Очень кстати оказалось, что на равнине, кроме него, были и другие путники. Переброс такого числа всадников сорвал с насиженных мест козопасов и бедных крестьян, которые мелькали на краю равнины, спеша дать хану дорогу. Сам Хубилай вырядился в старый, грязный дээл, а руки и лицо перемазал сажей. Он надеялся сойти за крестьянина, если его задержат.

Хубилай затаился в высокой траве, поглаживая темную морду и губы своего коня. Тот лежал неподвижно, прижавшись щекой к земле, как его и учили. Но чтобы конь остался в неестественном для себя положении, требовалось прикосновение Хубилая. Темные влажные глаза следили за хозяином, хвост бил из стороны в сторону, отгоняя мух, и привлекал ненужное внимание. Находиться в поле зрения туменов и их дозорных было совсем не безопасно, но Хубилаю нужно было разобраться в ситуации. Послание, которое он запомнил наизусть, может стоить многих жизней, если его перехватит хан. Хубилаю следовало выяснить, есть ли нужда в этом послании. Если всадники Гуюка проскачут мимо земель Бату, Хубилай тихо вернется в Каракорум и забудет о своей вылазке.

Сегодня утром тумены повернули на север. Каракорум остался далеко позади, и Хубилай кипел от гнева, полагая, что наконец разгадал замысел хана. Но и теперь он выжидал, дабы убедиться, что всадники не возвратятся и не остановятся, например, у озера, чтобы напоить коней. В переметной суме у Хубилая было и сухое кобылье молоко, и мясо. Если понадобится, он может ежедневно проезжать в два раза больше, чем войско. За день Гуюк покрывал в лучшем случае миль сорок – выступал не раньше полудня, не очень спешил... Хубилай не спускал с туменов глаз, отчаянно надеясь, что ошибается, пока окончательно не убедился в обратном. Когда ускакали последние всадники, он потрепал коня по морде, заставив подняться. Хубилай отдыхал целый день, но скакать во весь опор ночью не решался. Если конь в темноте сломает ногу, ханское войско ему не нагнать и Бату не предупредить.

Следующее утро Хубилай встретил в шестнадцати милях севернее лагеря Гуюка, неподалеку от деревеньки, которая лежала у ручья на склоне холма. У него заканчивалась вода, вот он и решил остановиться и купить необходимое. На близлежащих холмах не было ни души, и Хубилай понял, что целый день сможет скакать во весь опор.

Он неспешно повел коня в деревню: пусть пастухи увидят, что он один. Юрт оказалось всего четыре, маленьких, но укрепленных деревом. Хубилай прошел мимо выгребной ямы и отметил, что местные жители бедны, но чистоплотны.

Потревоженные козы бросились перед ним врассыпную, их испуганное меканье не хуже собачьего лая оповещало: явился чужак. Через несколько мгновений перед Хубилаем выросли двое мужчин с луками наготове.

– Я заплачу за еду и бурдюк воды из вашего ручья, – громко объявил Хубилай.

Мужчины переглянулись, один неохотно кивнул. Хубилай похлопал по небольшому мешочку серебра, что висел у него на поясе, заодно показав им свой меч. Мужчины уставились на оружие, и Хубилай подумал, что прежде они, верно, видели только ножи. В глазах у обоих горела жадность, взгляды, которыми они обменивались, не сулили ничего хорошего. Вероятно, местные скотоводы не гнушались грабежом незадачливых путников. Луки они так и не опустили, а его собственный висел у него за спиной. Хубилай решил не сходить с коня, чтобы не спровоцировать нападение.

– Принесите еды на несколько дней, и я уеду, – проговорил он.

Вытащил две серебряные монеты. Скотоводы опустили луки; один подошел за деньгами, другой, как и прежде, не сводил с пришельца подозрительного взгляда.

Хубилай высвободил ноги из стремян и протянул монеты. Он ждал нападения, и тем не менее пастух застал его врасплох: схватил за длинный рукав и попытался стащить с седла. Хубилай с силой пнул обидчика в подбородок и сбил с ног. На губах скотовода выступила кровь: он прикусил язык. Другой тотчас поднял лук, но Хубилай выхватил меч и приставил его к горлу незадачливого грабителя.

Тут послышался чей-то голос: некто задал вопрос. Хубилай оторвал взгляд от оторопевшего скотовода, которому грозил мечом, – и испугался по-настоящему. Пока он разбирался с пастухами, двое дозорных Гуюка подобралась к деревеньке с противоположной стороны и сейчас, спешившись, вели коней мимо юрт.

Хубилай тотчас спрятал меч в ножны и спрыгнул на землю. Пока конь заслонял его от дозорных, он лихорадочно соображал. От них не сбежать – к дальним броскам они привычнее, чем он, и станут преследовать его до самой ночи. Сперва Хубилай корил себя за промах, потом отрешился от него и постарался успокоиться, как много лет назад учил его ханский советник. Паниковать не имело смысла – Хубилай принял решение. Он стал ждать, когда дозорные приблизятся.

При всей своей настороженности воины увидели только трех драчунов, у одного из которых изо рта текла кровь. Дозорные подвели коней ближе, и Хубилай немного ссутулился, якобы хлопоча вокруг коня, чтобы дозорные не заметили, какой он высокий. Грязный, оборванный, он мало чем отличался от скотоводов. Выдавал его лишь меч, но Хубилай надеялся, что воины Гуюка не станут слишком пристально к нему приглядываться. Пастухи-разбойники низко поклонились дозорным хана, и Хубилай последовал их примеру, якобы трепеща перед столь важными людьми.

– Стойте смирно! – приказал один из дозорных и приблизился к ним; его спутник отстал на несколько шагов. Хубилай хорошо разбирался в званиях и понял, что за старшего у них первый. – В чем тут дело? – осведомился командир, немолодой и худой, как щепка.

– Мы просто спорим, господин мой, – тотчас ответил Хубилай, – из-за коз, которых я покупаю.

Краем глаза он увидел, что раненый козопас смотрит на него разинув рот. Вдруг дозорный решит наказать деревенского разбойника, даже отдать его под ханский суд. Самому решать мелкий спор не захочется. Хубилай отчаянно надеялся, что козопасам хватит ума держать рот на замке, пока он убалтывает дозорных.

– Своим животным я мечу левое ухо. Дважды, вот так, сами посмотрите. – Хубилай ткнул пальцем, но дозорный не глянул в ту сторону – опыт подсказывал ему не отвлекаться. – Мои двоюродные братья метят так же... а ведь я предупреждал, что это приведет к подобным спо-

рам. Козы мои, я их всегда узнаю. Господин, ты, видать, приближенный хана. Если рассудишь нас, буду премного благодарен...

Хубилай трещал без умолку. Старший, успокоившись, повернулся к своему напарнику и ухмыльнулся.

Пастух с окровавленными губами пытался заговорить, и Хубилай повернулся к нему.

– Закрой рот, Хахан, это все ты виноват. Бурую я везде узнаю, как свое родное дитя.

Пастухи изумленно тарасились на безумца, который называл их неизвестно как. Но дозорные уже не слушали. Хубилай потупился, старательно вживаясь в роль.

– Господин мой, если соблаговолишь подождать, пока я отбираю своих коз, я вознесу к небу тысячи молитв за тебя. Моя жена снова беременна. Мы небогаты и не можем потерять лучших коз, которые приносят отличный приплод!

– Пошли! – позвал старший, потеряв интерес к трем оборванцам, которые спорили у дороги.

Дозорные уже развернулись, чтобы уйти, а Хубилай все умолял и умолял, вздыхая с облегчением. Наконец он остался наедине с козопасами. Они смотрели на него как на бешеного пса. Пастух с перепачканным ртом сплюнул кровью и, преодолевая боль, спросил:

– Кто ты?

– Простой путник, – ответил Хубилай. Тело его ныло от напряжения, руки тряслись, когда он разжал кулаки. – Мне нужна вода и еда, как уже говорил. Если до сих пор подумываете меня ограбить, второй раз на мое великодушие не рассчитывайте. Стоит мне крикнуть, и они вернутся.

Пастухи невольно взглянули вслед дозорным – предложение Хубилая им не понравилось. На здешних равнинах справедливости не жди. Людьюми хана даже пугали детей.

Вместо того чтобы ускакать прочь, Хубилай оседлал коня и поехал за козопасами, которые наполнили его бурдюки водой и дали небольшой сверток с лепешками и жареной бараниной. Еда пахла восхитительно, но перекусить Хубилай собирался, лишь когда оторвется от ханского войска. Земли Бату в тысяче с лишним миль к северу, но если он не попадет туда раньше Гуюка, толку не будет. В путь Хубилай пустился мрачный и сосредоточенный: больше дозорных пропускать нельзя. Чтобы спасти Бату, пригодится каждое лишнее мгновение.

Глава 7

За три дня скачки во весь опор Хубилай довел коня до полного изнеможения. Во время коротких привалов тот отдыхал, пощипывая травку, но восстановиться не успевал. На четвертый день Хубилаю стало больно сидеть в седле. Затвердевших мозолей, как у разведчиков, у него не было, поэтому на ягодицах и пояснице появились обширные ссадины. Каждое утро начиналось с мучительной боли, потом короста слетала, и резкая боль сменялась ноющей, которая не стихала целый день. Как далеко он заехал, Хубилай не ведал; знал лишь, что ханское войско позади него. Когда Бату странствовал, то брал с собой целый тумен воинов и их семьи. Такую уйму людей не спрячешь. Хубилай рассчитывал увидеть их следы, хотя эта проблема была не самой насущной.

Самой насущной проблемой было состояние коня, который отощал, сильно потел и пускал желтые слюни. Настала пора уподобиться ямскому гонцу – привести в действие план, в Каракоруме казавшийся простым. Из седельной сумы Хубилай достал кусок ткани с нашитыми на ней бубенчиками и накрыл ею седло. Поднявшись на холм, огляделся по сторонам. Вокруг не было ни души, но миль за двадцать до этого Хубилай видел ям, а потом держался тропы, протоптанной ямскими гонцами. Он критически оглядел себя и поморщился. Гонцы с поклажей не скачут. Вес – ключ ко всему. С недовольной гримасой Хубилай раскрыл переметные сумы и высыпал припасы на землю. Туда же полетел лук, а после небольшой паузы на горку тряпья и кожи упал и меч. Он оставил только маленькую заплечную сумку вроде той, что носят гонцы. Даже написал безобидное письмо фальшивому лицу, чтобы показать его, если остановят и допросят, хотя это казалось маловероятным. К ямским гонцам обычно никто не привязывается.

Подумав, Хубилай искромсал седельные сумки в клочья и обмотал ими меч в ножнах; получился сверток, который вполне можно припрятать. Он дорожил своим клинком, хотя и собирался расстаться с ним, по всей видимости, навсегда. Но не бросать же его в придорожной пыли на милость мародеров или, еще хуже, ханских дозорных, когда те будут проезжать здесь...

Хубилай завел коня в рощицу, чтобы дождаться там сумерек. Ехать осталось всего несколько миль, к яму он решил подобраться на закате или даже ночью. Сам Чингисхан установил расстояние между станциями в двадцать пять миль. Иные ямы действовали так долго, что между ними образовались широкие дороги, вдоль которых семьи гонцов выстроили дома из кирпича и глины.

Хубилай сел, прислонившись спиной к дереву, зажал в кулаке вожжи, и заснул. Когда он проснулся, на рощицу уже опустились сумерки. Сколько времени прошло, он понятия не имел. Хубилай встал и, ругаясь, потянулся за седлом. Конь заржал и отшатнулся и, пока седок не ударил его по морде, отказывался стоять смирно.

Через считанные мгновения всадник снова пустился в путь, прислушиваясь и высматривая признаки жизни. Луна только взошла, и Хубилай радовался покрову тьмы. Вскоре впереди он увидел свет и пустил коня галопом. Каждый его шаг сопровождался звоном колокольчиков, во тьме особенно громким.

Ям оказался маленьким. Он стоял среди степи – несколько построек из кремня и извести на мощеном дворе. Горели факелы; значит, его появления ждали. Хубилай уверенно въехал во двор и увидел двух мужчин. Один держал полный воды бурдюк, другой – блюдо с кусками мяса, сочащимися горячим бульоном. Из стойла вывели свежего коня и оседлали, пока Хубилай спешивался.

– Кто ты? – вдруг спросил мужчина с блюдом.

– Везу срочные послания из Каракорума, – резко ответил Хубилай. – А ты кто?

– Прости, – отозвался станционный смотритель.

Хубилай отметил, как его подозрительный взгляд остановился на лошади. Вообще-то, Хубилай не раз подумывал о краже ямского коня, хотя таких лошадей обычно не воруют – на этом легко попасться.

Мужчина нехотя кивнул, но спросил-таки Хубилая, который тем временем схватил с блюда большой кусок сочной баранины и отправил в рот:

– Если ты впрямь из Каракорума, то знаешь, кто там начальник станции.

– Териден, – с набитым ртом ответил Хубилай. – Здоровенный христианин с рыжей бородой. Я отлично его знаю.

Испытание было легким для молодого человека, выросшего в городе, хотя сердце у Хубилая бешено колотилось: а ну как разоблачат? Ноющую боль от язв тоже следовало скрыть. Он сел на свежего коня, поправил заплечную сумку, взял бурдюк и залпом выпил арака с водой. Смесь оказалась противной кислятиной, но Хубилай согрелся почти моментально. Отныне запасы провизии он сможет пополнять лишь на ямах.

– Передам ему, что вы тут славно справляетесь, – пообещал он, взял поводья и повел лошадь к калитке.

Ямские служители не ответили – они уже расседывали и чистили его коня. В свете факелов было видно, как от его боков валит пар. Хубилай улыбнулся и поскакал по дороге на север. План сработал, сработает и еще. Быстрее, чем через ямы, послание не доставить. Пока Хубилай лично не поговорит с Бату, тот не узнает, какая опасность ему грозит.

Станционный смотритель не отрываясь глядел вслед Хубилаю. Таких желтых глаз, как у этого гонца, он в жизни не видывал. По слухам, такие же были у Чингисхана... Смотритель поскреб блошинный укус на шее, пожал плечами и снова взялся за работу.

Четверо мужчин следили за тропой уже три дня. Они охотились парами и к ужину всегда приносили кроликов на жаркое. Неподалеку был большой садок, поэтому оставалось лишь разместить у нор силки. Горная дорога просматривалась как на ладони, и они коротали время за разговорами, игрой в бабки и починкой старых инструментов. Еще пара дней, и их смена закончится. Пока несли дозор, ничего примечательного не случилось – проехала лишь одна семья торговцев, но дозорных не заинтересовал дешевый товар из телеги, которую вез старый конь с бельмом на глазу. Грубый хохот, хороший пинок – и торгоши укатили восвояси.

– Кто-то едет, – сказал Парих, младший из четверки.

Его товарищи дошли до границы маленького лагеря и, стараясь не обнаружить себя, внимательно осмотрели тропу. На луках, надежно защищенных от влаги, давно не подтягивали тетиву. Впрочем, каждый из четверых держал оружие наготове. Понадобится – через миг полетят стрелы. Дозорные вглядывались в даль, проклиная рассветную дымку, которая словно наползала от самих скал, а потом рассеивалась.

Дымка не помешала разглядеть одинокого путника, медленно ведущего по дороге хромого коня. Голова опущена – путник напоминал усталого воина, бредущего домой после долгих ночей охоты или поисков пропавшего животного. Как бы то ни было, дозор на этой дороге считался первой линией обороны, поэтому часовые настороженно встречали каждого. Тарриал, старший из дозорных, повидал предостаточно засад и схваток. Из четверки шрамы украшали только его, вот товарищи и ждали от него указаний. В горах звуки разносятся на много миль, и Тарриал безмолвным жестом отправил Париха на разведку. Паренек проползет по гребню, посмотрит, не подкрадывается ли кто, и в крайнем случае отвлечет внимание от лагеря.

На глазах товарищей Парих добрался до точки, с которой тропа просматривалась на добрых полмили, и поднял раскрытую ладонь. Все спокойно.

Тарриал расслабился.

– Только один человек. Ждите здесь и не вздумайте воровать у меня еду. Я пойду к нашему гостю.

Тарриал спускался по каменистому склону, даже не думая таиться. Напротив, он старался побольше шуметь, чтобы не застать странника врасплох. Много лет назад в Самарканде на глазах Тарриала убили командира его джагуна. Тот спрятался, наблюдая, как грабят лавку. Когда часть шайки разбежалась, он выбрался из укрытия и положил замешкавшемуся вору руку на плечо, надеясь испугать до полусмерти. Уловка удалась, но запаниковавший грабитель не раздумывая пырнул его кинжалом под ребро... Тарриал с теплотой вспомнил лицо командира.

Когда он спустился к тропе, путник приблизился настолько, что дозорный смог его рассмотреть. Неизвестный был очень высоким и казался таким изможденным, что едва шел. Конь припадал на правую переднюю ногу и, как и хозяин, буквально посерел от пыли.

Хубилай почувствовал взгляд Тарриала и вскинул голову. Свободная рука скользнула к поясу, только меча там не было, и, скривившись, Хубилай поднял ее, чтобы показать: он безоружен.

– Гонец? – спросил Тарриал.

– Да, – ответил Хубилай, злясь на себя за то, что так глупо заблудился среди холмов.

Он потерял счет не только времени, но и коням, которых сменил на промежуточных ямах. Сейчас стараниями шайки воров все его усилия могли пойти насмарку. Уже в который раз он пожалел, что бросил оружие.

– Для кого послание? – осведомился Тарриал. Предчувствие подсказывало: путник необычен, только чем именно? Пыль пылью, но желтые глаза так и блестели, а правая рука путника не раз тянулась к поясу, словно он привык носить меч. Странно, ведь простые гонцы оружие не носят...

– Ямских гонцов не останавливают, – резко ответил Хубилай. – Послание не для тебя, кем бы ты ни был.

Тарриал ухмыльнулся. На вид незнакомец чуть старше Париха, а судя по тону, привык командовать.

– Отвечаешь, как воин, – отметил он.

На миг Хубилай воздел глаза к небу.

– Воин на ямской лошади и с кожаной сумой за плечами... Да еще без ценных вещей...

– Мы не воры, парень. Мы воины. Разница есть. Не всегда, конечно, но, как правило, есть.

К удивлению Тарриала, Хубилай расправил плечи, взгляд его желтых глаз стал еще пристальнее.

– Кто командует твоим минганом? – только и спросил он.

– Он в сотне миль отсюда, но из-за тебя, парень, я дергать его не буду. Только не сегодня.

– Как его зовут? – рявкнул Хубилай. В каждом тумене по десять минганов, поэтому он знал почти всех монгольских командиров такого уровня.

Резкий тон заставил Тарриала ошетиниться и удивиться еще сильнее. Один, без оружия, в глуши, этот юнец держался так, что командир дозора заново обдумал его вопрос.

– На ямского гонца ты не похож, – опасно проговорил он.

– Болтать мне некогда! – раздраженно отозвался Хубилай. – Назови его имя или уйди с дороги.

Не дав Тарриалу ответить, он натянул поводья и повел коня по тропе, прямо на дозорного.

Воин замялся. Ужасно захотелось ударить наглеца. Никто бы не упрекнул его за это, но инстинкт самосохранения велел сдержаться. Слишком странная эта встреча, с самого первого слова.

– Его зовут Хулдар, – ответил Тарриал.

Он решил: собьет странника с ног, если тот попробует протиснуться мимо него. Но незнакомец остановился, на мгновение закрыл глаза и кивнул.

– Послание для Бату из рода Борджигинов. Только для его глаз и ушей. Отведи меня к нему.

– Что же ты сразу не сказал, парень? – осведомился Тарриал, по-прежнему хмурясь.

– Сейчас же!

Глава 8

Почти не разговаривая, Тарриал и Парих вели Хубилая через горы. У дороги оставили только одного дозорного, а другого отправили к командиру с донесением. Хромой конь отдышал вместе с другими конями; взамен гонцу дали самого маленького из своих, норовистого, только и ждущего, чтобы укусить седока за палец.

Парих поделился водой со странным гонцом. Ни Хубилай, ни Тарриал разговаривать не хотели, и после нескольких неудачных попыток завязать беседу Парих отчаялся. Командир вел их по широкой тропе, петлявшей по холмам. Вдали Хубилай видел горы, но сколько ни обращался к памяти, не мог точно определить, где находится. Воздух радовал свежестью и прохладой; когда Хубилай вел коня или ехал верхом, холмы просматривались на многие мили.

– Из-за хромого коня я и так потерял целый день, – проговорил он через какое-то время. – Нужно двигаться быстрее.

– Зачем это? – тут же спросил Тарриал.

Он недовольно смотрел на непонятого гонца, обращавшегося с ними как со слугами. Тарриал глазам своим не верил, но при каждом взгляде незнакомца Парих чуть ли не в струнку вытягивался. Ямские гонцы так себя не ведут. Тарриал уже решил, что это какой-то командир, прикидывающийся посланцем. Он не рассчитывал, что Хубилай ответит, но тот неохотно проговорил:

– По пятам за мною движется целое войско. Еще неделя, может быть, десять дней, и они будут здесь. Твоему господину пригодится каждый час, который мы выиграем.

Парих разинул рот, а Тарриал перестал хмуриться, неожиданно встревожившись.

– Большое войско? – спросил он.

Вместо ответа Хубилай ударил пятками коня, чтобы прибавил шагу.

– Узнаешь, когда я передам послание твоему господину, – бросил он через плечо.

Тарриал с Парихом переглянулись и пустили коней галопом, чтобы догнать и перегнать странного курьера.

По дороге Хубилай оценивал оборонный потенциал окрестностей. Видимо, лагерь Бату расположен в горной долине, если, конечно, дозорные не соврали насчет расстояний. Что он читал об этом в библиотеке Каракорума? Тумены Чингисхана разрушили крепость ассасинов, разобрали ее по камешку. Оплоту Бату дольше не продержаться. Хубилай везет плохие вести: людям Бату придется сниматься с места. С наступлением ханской армии Бату останется бежать без оглядки, шансы спастись ничтожны.

Дозорные, прибавив шаг, повели его по горным грядам и долинам, в основном лесистым. Троица ехала звериными тропами – те замедлят продвижение Гуюка, вынудят его воинов двигаться гуськом. Высматривая засады и ловушки, хан потеряет не один день... Хубилай покачал головой, пуская коня рысью в полумраке: ветви деревьев, словно полог, едва пропускали солнце. Он давно потерял счет дням и милям.

Однако уже на закате они добрались до внутреннего кольца лагерей дозорных. Тарриал остановился, чтобы наполнить бурдюки, справить нужду, сменить лошадей. Суставы у Хубилая отчаянно ныли – он спешил, чтобы последовать примеру своих спутников. Воины Бату кивали Тарриалу и Париху, а его встречали враждебными взглядами. В лесной сырости дозор несли человек десять, которые постоянно менялись. Хубилай сомневался, что Бату можно застать врасплох, только какой от этого прок...

Усталый гонец сел на свежего коня и вслед за Парихом и Тарриалом поехал прочь из лагеря. Быстро стемнело, и он совершенно перестал ориентироваться. Если бы не Тарриал, не сыскать ему дорогу. Лес казался бесконечным, и Хубилай подумал, не нарочно ли его проводник выбрал тропу поизвилистей, чтобы ямской гонец не вернулся назад и не привел войско.

Ехали всю ночь. Под конец Хубилай задремал в седле, поклевывая носом в такт шагам коня. Никогда в жизни он так не уставал. Вот уже и троп не стало. Тут Хубилай заподозрил, что Тарриал ориентируется не лучше его. Звезд не разглядишь, и казалось, что они скачут словно в полусне. Их кони преодолевают невидимые препятствия, послушные окрикам, пробираются через кусты. Чем дальше, тем сильнее хлестали ветви и царапали колючки.

Серый свет зари понемногу вернул лесу привычный облик. Хубилай, весь в кислом поту, едва мог поднять голову. Спина болела нестерпимо. Он то расправлял плечи, то сутулился, стараясь облегчить боль. Тарриал смотрел на него с плохо скрытым презрением. Но ведь сам он до этого целый месяц почти не садился в седло и не истощил организм так, что даже черты лица заострились. От изнеможения Хубилай люто ненавидел Бату без веских причин. Он понимал, что тот в жизни не оценит жертвы, на которые он пошел, чтобы принести известие о походе Гуюка, и кипел от гнева. Подчас одна ненависть и поддерживала Хубилая.

Солнце взошло, и ему почудилось, что деревья стали редеть. Та странная скачка уже вспоминалась обрывками. Когда потеплело, Хубилай подставил лицо солнцу, открыл воспаленные глаза и увидел, что они наконец выбрались из леса.

За лесом начиналась живописная долина. Приглядевшись, Хубилай рассмотрел вдали плотную стену деревьев. Долина была не чудом природы, а результатом многолетней работы тысяч людей, расчистивших участок, где Бату и его окружение могли мирно жить с семьями. Вокруг на многие мили во всех направлениях тянулся лес. «Как же Гуюк найдет такое место?» – принялся гадать Хубилай. Пахло дубом, буками, но не дымом.

Прибытие троицы не осталось без внимания. Едва всадники показались из-за деревьев, поселение огласили крики. Из юрт и домов, стоявших группами, высыпали воины и верхом поехали навстречу. Хубилай стряхнул усталость: предстоящий разговор требовал сосредоточенности. Он выжал на лицо каплю теплой воды из бурдюка и тщательно поскреб щетину на подбородке и вокруг рта. Он такой грязный... Образ бедного ямского гонца прилип к нему намертво.

Воины скакали галопом на отдохнувших лошадях и казались омерзительно бодрыми. Чтобы унять головную боль, Хубилай закрыл глаза и осторожно их потер. Он понимал, что должен поесть, не то скоро потеряет сознание.

Командир джагуна открыл рот, чтобы заговорить, но Хубилай поднял руку.

– Я Хубилай из рода Борджигинов, двоюродный брат Бату. – Тарриал и Парих покосились на него. Он ведь им до сих пор не назвался. – Немедленно отведите меня к вашему господину. У меня для него важные вести.

Командир джагуна захлопнул рот так, что зубы щелкнули: этот тип назвался тайджи, а выглядит и воняет как нищий. Желтые глаза дико блестели на грязном лице. Командир вспомнил, что, по легендам, именно такие глаза были у Чингисхана, и кивнул.

– Я отведу тебя, – проговорил он, разворачивая коня.

– Еще – еды, – наконец пробормотал Хубилай. – Мне нужна еда и немного арака или вина.

Воины не ответили, и он поехал следом за ними. Тарриал и Парих следили за ним вытаращенными от изумления глазами. Они считали себя ответственными за Хубилая и не желали возвращаться на свой одинокий пост на холмах.

– Может, стоит подождать и выяснить, что к чему, – немного помолчав, проговорил Тарриал и раздосадованно вздохнул. – До доклада командиру хоть горло промочим.

В самом лагере Хубилай увидел широкие грунтовые дороги, бегущие мимо домов – и привычных ему юрт, и бревенчатых, вероятно построенных из сваленного здесь же леса. Домов была тьма. За годы, прожитые в этой глухомани, десять тысяч воинов Бату успели вырастить детей. Вместо замшелого лагеря Хубилай попал в столицу молодого государства. Вокруг лес, бревен достаточно, и дома ставили высокие, прочные. Хубилай с интересом смотрел на

двухэтажные строения и гадал, как их жители спасутся от пожара. Каменных домов он почти не заметил, в лагере пахло дубом и сосной...

Хубилай понял, что от усталости отвлекся, а сотник уже остановился у большого дома в центре лагеря. Гонец почти не почувствовал облегчения, увидев Бату. Тот стоял у дубовой двери, скрестив руки на груди. Два крупных пса выглянули из дома, один зарычал на чужака, но Бату наклонился и потрепал его за ухом.

– Хубилай, я помню тебя мальчиком, – начал он, широко улыбаясь. – Добро пожаловать! Будь гостем в моем доме.

Хубилай спешился, но ноги подогнулись, и он чуть не упал. Чьи-то сильные руки вовремя подхватили его.

– Бедняга на ногах не стоит, ведите его в дом, – велел Бату.

Жилище его было просторнее, чем казалось снаружи, – наверное, благодаря малому числу перегородок. Оно состояло из одной комнаты с деревянной лестницей в спальню, похожую на сеновал. Мягкие ложа, стулья, столы разместили как попало. Хубилай вошел, зная, что за ним следуют два воина. Он замер на пороге, чтобы псы обнюхали ему руки. Те вроде бы смирились с его присутствием, но один не сводил с него глаз, как и охранники Бату. Хубилай позволил им обыскать себя, ведь при себе у него ничего не было. Пока шел обыск, гонец заметил в спальне детей, улыбнулся им, и они исчезли.

– У тебя изможденный вид, – отметил Бату, когда обыск закончили.

На поясе у него висел длинный нож, и от Хубилая не укрылось, что Бату готов схватиться за него при первых же признаках опасности. Дураком он не был никогда, а по монгольской легенде, Чингисхан однажды убил человека острым краем доспехов, когда все считали, что он разоружен. Только вряд ли старый дээл, провонявший потом и мочой, мог представлять для Бату опасность.

– Это не важно, – покачал головой Хубилай. – Я привез сообщение из Каракорума. От моей матери для тебя. – Наконец-то он сказал то, что так давно хранил в тайне, и сразу стало легче. – Можно мне присесть?

– Да, конечно. – Бату аж порозовел. – Садись сюда.

Он велел принести еду и чай, и один из охранников бросился выполнять приказ. Второй, невысокий, жилистый, отличался типично цзиньскими чертами лица и бельмом на одном глазу. «Цзинец» замер у двери и подмигнул детям невидящим глазом, прежде чем уставиться перед собой.

– Спасибо, – поблагодарил Хубилай. – Путь был долгий, а вести, увы, нехорошие. Мать велела передать, что к тебе идет Гуюк. Он вывел войско из города. Несколько дней я шел за ними и убедился, что они впрямь движутся на север. Я обогнал их, но в лучшем случае выгадал для тебя неделю. Мне очень жаль.

– Сколько у него туменов? – осведомился Бату.

– Десять, с двумя-тремя конями про запас на каждого седока.

– Метательные орудия есть? Или пушки?

– Нет, они приготовились словно к крупной облаве. Все добро везут на свободных лошадях – по крайней мере, из того, что я видел. Бату, мать очень рисковала, посылая меня. Если об этом узнают...

– От меня не узнают, клянусь, – отозвался Бату. Он смотрел вдаль, словно обдумывая услышанное, но под безмолвным взглядом гостя снова сосредоточился. – Спасибо, Хубилай, никогда этого не забуду. Жаль, что у меня лишь неделя, но постараюсь успеть.

– У Гуюка сто тысяч воинов, – напомнил Хубилай, хлопая глазами. – Попробуешь дать отпор?

– Вряд ли мне следует обсуждать это с тобой, брат, – улыбнулся Бату. – Отдохни здесь пару дней, приди в себя – и возвращайся в город. Если останусь жив, я этого не забуду. И пожалуйста, поблагодари свою мать от моего имени.

– С ханом мой брат Мунке, – продолжал Хубилай. – Он орлок войск Гуюка и, как сам знаешь, не дурак. Образумься, Бату! Я предупредил тебя, чтобы ты успел скрыться.

Бату взглянул на двоюродного брата: тот сидел за столом ссутулившись. Чувствовалось, что он очень устал.

– Пойми, если я начну обсуждать с тобой свои планы, то не смогу отпустить. Если тебя поймают дозорные Гуюка – и так выкачают более чем достаточно.

– Пытать меня они не посмеют.

Бату лишь головой покачал.

– А если Гуюк прикажет? Ты слишком высокого мнения о себе. Допускаю, что пощадят твою мать, потому что Мунке так рьяно поддерживает хана, – и только. Других поблажек не жди.

Хубилай быстро принял решение, отчасти потому, что в нынешнем состоянии физически не мог сесть в седло.

– Дождусь безопасного момента и уеду. Только скажи, что не собираешься нападать на ханское войско – на то самое, что покорило Яньцзин, крепость ассасинов и афганские племена! Кто на твоей стороне? Максимум двенадцать тысяч воинов, часть из которых – юнцы, еще не испытанные в бою. Получится не битва, а самая настоящая бойня.

Принесли еду с чаем, и Хубилай буквально накинулся на них: голод затмил все остальные заботы. Бату потягивал чай, пристально за ним наблюдая. Сын Толуя славился умом. Сам Чингисхан отметил это качество и велел остальным братьям слушаться его. Бату не мог проигнорировать совет Хубилая, даже если советчик совершенно ему не нравился.

– Если побегу, буду бежать вечно, – проговорил он. – Меня заносило в Венгрию, Хубилай, за пять тысяч миль от дома. Немногие из живых поймут лучше меня, что от хана не убежать. Гуюку ничего не стоит преследовать меня хоть до края света.

– Тогда вели своим людям разбежаться в ста направлениях. Под видом пастухов пусть скроются в русских степях. Вели им закопать мечи и доспехи. Скажи, что, по крайней мере, выжить они могут. Просто ждать нельзя, Бату.

– Лес велик... – вяло начал тот.

Соленый чай оживил Хубилая, он ударил кулаком по столу и перебил:

– Лес замедлит их продвижение, но не остановит. Чингисхан взбирался на горы вокруг Китайской стены точно с такими же людьми. Ты заявил, что разбираешься в войсках. Подумай, Бату. Пора бежать. Я подарил тебе несколько дней, их хватит, чтобы скрыться. Если же не хватит... Большого у тебя все равно нет.

– Я уже сказал, что благодарен тебе, Хубилай. Но если побегу, сколько жителей этой долины будут живы через год? Пара тысяч? Пара сотен? Они мне преданы. Эта земля принадлежит мне по воле Угэдэй-хана. Никто не вправе отнять ее у меня.

– Что же ты в Каракорум не явился? Если бы преклонил колени и принес клятву, войско сюда не двинулось бы.

Бату вздохнул, потер щеку и на миг показался почти таким же усталым, как Хубилай.

– Мне просто хотелось покоя и чтобы Гуюк не втягивал моих воинов в бесцельные войны. Я поддержал Байдара, сына Чагатая, но в последний момент он решил не бороться за ханство. Я его не виню. Думал, без меня хана не выберут, но получилось иначе. Считаю это тщеславием или просто ошибкой.

– А потом? Ты мог приехать после того, как Гуюка избрали ханом...

Лицо Бату стало суровым.

– Ради спасения моих людей я бы приехал, поклонился и присягнул надушенному поганцу, поправ свою честь.

– Но ты не приехал, – сказал Хубилай, встревоженный силой сдерживаемого гнева Бату.

– Он не звал меня, Хубилай. Ты первый человек из Каракорума, которого я увидел с тех пор, как Гуюк стал ханом. Поначалу я даже подумал, что ты явился призвать меня дать клятву. Я был к этому готов. – Бату обвел рукой лагерь: все семьи, всех детей и собак. – Больше мне ничего не нужно. Старый хан не ошибся, даровав мне эти земли. Ты понимаешь?

Хубилай молча кивнул.

– Приехав сюда, я увидел несколько гнилых юрт и деревянных домишек в лесной чаще, – продолжал Бату. – Удивился: зачем этим людям такая глушь? Потом нашел старое седло с клеймом моего отца. Здесь поселился Джучи, сбежав от Чингиса. Хубилай, эту землю избрал первенец великого хана. Здесь дух моего отца. Гуюку не понять, но здесь мой дом. Если он просто оставит меня в покое, я никогда не стану ему угрожать.

– Но если он придет сюда, то спалит этот лагерь дотла, – тихо сказал Хубилай.

– Поэтому я должен дать ему отпор, – проговорил Бату, кивнув самому себе. – Он внук Чингисхана, вдруг примет вызов другого внука? Гордец он тот еще.

– Он велит изрешетить тебя стрелами, не дав и рта раскрыть, – проговорил Хубилай. – Неприятно говорить такое, Бату, но учти, что собственной жизнью он ни за что не рискнет. Забудь свои безумные планы. Понимаю, ты в отчаянии. Только выбора нет...

Хубилай осекся. Бату заметил, что его двоюродный брат смотрит словно в себя, и схватил его за руку.

– Что такое? Что ты придумал?

– Ничего путного, – отозвался тот, вырываясь.

– Позволь мне судить, – настаивал Бату.

Хубилай вскочил, и один из псов зарычал на него.

– Не тяни меня за язык, дай подумать.

Он принялся мерить комнату шагами. Мысль, посетившая его, казалась чудовищной. Хубилай понимал, что привык упражнять свой ум в безопасном Каракоруме и не нести за это ответственности. Если же здесь рассказать о своей задумке, может измениться мир. Хубилай прикусил язык, не желая говорить ни слова, пока хорошо не поразмыслит.

Бату наблюдал за двоюродным братом, почти не смея надеяться. Мальчиком Хубилай был любимым учеником главного ханского советника. Когда этот мальчик говорил, даже великие останавливались и слушали. Бату молча ждал, строго посмотрев на одного из сыновей, который заполз под стол и обнял его за ноги. Малыш доверчиво глядел на Бату, твердо зная: его отец самый сильный и бесстрашный на свете. Бату очень хотелось, чтобы так оно и было.

Ни словом не обмолвившись, Хубилай вышел на улицу. Охранник с бельмом последовал за ним и держался неподалеку, пристально следя за пришельцем. Пусть его следит! Хубилай застыл в центре лагеря среди людской суеты. Лагерь разбили на манер города, с дорогами, убегающими в разные стороны. Хубилай улыбнулся, отметив, что ни одну из тех дорог прямой не назовешь. Они петляли, путались, чтобы сбить с толку нападающего. Лагерь Бату буквально кипел энергией, которая чувствовалась и в шуме стройки, и в голосах торговцев. На глазах Хубилая двое тащили неведомо куда тяжелое бревно. По улицам носились дети, грязные обрывыши, еще не ведающие взрослых забот.

Если не предпринять ничего, Бату либо развернет атаку и погибнет, либо пустится в бега – и тоже погибнет. Неужели он, Хубилай, заехал в такую даль, чтобы увидеть гибель двоюродного брата и его людей? А как же клятва хану? Хубилай поклялся служить ему юртами, конями, солью и кровью...

Внезапно разозлившись, он пнул придорожный камень. Какой-то мальчишка взвизгнул от удивления и зыркнул на грубияна, растирая ушибленную ногу, в которую попал камень.

Хубилай его даже не заметил. Клятву он уже нарушил, предупредив Бату, и особых угрызений совести не чувствовал. Но новая его задумка еще страшнее...

Когда наконец Хубилай обернулся, на пороге дома он увидел Бату и охранника с бельмом. У их ног сидели собаки.

– Ну что ж, Бату, давай потолкуем, – кивнув, проговорил Хубилай.

Глава 9

Гуюк любил долгие летние вечера, когда мир словно замирает, пронизанный серым светом, а воздух чист и прохладен. Он умиротворенно наблюдал, как солнце садится на западе, окрашивая небо в тысячи оттенков красного, оранжевого и пурпурного. Стоя у юрты, хан смотрел на лагерь, который разбили его тумены. Во время каждого привала среди степи вырастал целый город. Все нужное везли на свободных конях. Гуюк почувствовал запах жареного мяса с пряностями и глубоко вдохнул, ощутив прилив сил. До заката еще далеко, а он проголодался. Хотелось посмеяться над собственными предрассудками. Он же хан, законы Чингиса ему не указ.

Гуюк вскочил на коня, упиваясь своей силой и молодостью. Щеки разругались. Неподалеку стояли два командира минганов, стараясь смотреть куда угодно, только не на него. Гуюк жестом подозвал слугу, и Анар, с трудом удерживая охотничьего орла, приблизился. И слуга, и орел притихли. Хан поднял правую руку в длинной, до самого локтя, кожаной перчатке. Орел опустился ему на руку, и Гуюк завязал опутинки. В отличие от соколов, орел колпачки не жаловал. Он сидел с непокрытой головой, глаза его так и блестели. На миг птица отчаянно захлопала крыльями, показывая белый пух. Гуюк отвернулся от сильного ветра, и орел успокоился. Хан погладил его по голове, остерегаясь кривого клюва, которым птица легко может порвать горло волку.

Едва орел успокоился, Гуюк свистнул, и один из командиров мингана приблизился с низко опущенной головой. Казалось, он не хочет ничего видеть и ничего знать. Гуюк улыбнулся такой предусмотрительности, понимая, в чем дело. Жизнь этого человека зависела от неосторожного взгляда и небрежно брошенного слова.

– Сегодня вечером поеду охотиться на восток, – объявил Гуюк. – Дозорные отозваны?

Командир мингана молча кивнул в ответ.

Сердце Гуюка бешено колотилось, голос его казался придушенным. За месяц похода он выезжал уже на седьмую охоту – и всякий раз трепетал от страсти, которую не испытывал даже с молодой женой в Каракоруме.

– Если понадобится, пошли гонца.

Командир мингана поклонился, по-прежнему не поднимая глаз. Такая деликатность Гуюку нравилась. Без лишних слов он кивнул Анару, и оба поскакали прочь из лагеря. Хан легонько придерживал орла, который рвался вперед.

Воины, попадавшие навстречу, опускали голову. Гуюк же ехал по высокой траве, гордо восседая на коне. Здесь паслись десятки тысяч расседланных лошадей. Огромный табун напоминал тучу; за ночь он съедал всю траву на огромной равнине. Здесь тоже встречались воины, ночующие вместе с лошадьми. Некоторые, завидев всадников, приближались, но, сообразив, что перед ними хан, замирали, становясь слепыми и глухими.

Пока Гуюк ехал мимо стад, вечерний свет понемногу мерк. С каждой милей невидимая ноша таяла, и хан расправлял плечи. Настроение улучшалось. Тени удлинялись, и Гуюку вдруг захотелось погоняться за ними, как в детстве. Здорово, что можно хоть на время отбросить серьезность. Она-то и угнетала его. А еще груз проблем, давивший на плечи... В лагере его дни заполнены обсуждением тактики, донесениями, взысканиями... Гуюк с облегчением вздохнул. Он жил ради золотых мгновений вроде этого, ради возможности отрешиться от всего и побыть самим собой.

Милях в пяти к востоку от лагеря они с Анаром нашли ручей, который так долго тек по равнинам, что едва не пересох. У ручья росли деревья, и Гуюк выбрал место, где сгущались тени, чтобы насладиться покоем и одиночеством. Для хана они на вес золота. С момента про-

буждения до последних встреч при свете факелов, перед самым отходом ко сну, Гуюка постоянно окружали люди. Просто слушать журчание ручья было счастьем.

Гуюк развязал опутинки вокруг ног орла, дал птице приготовиться и подбросил ее в воздух. На сильных крыльях орел быстро набрал высоту и закружил в сотнях футов над ним. Для охоты было поздновато, и Гуюк подумал, что орел далеко не улетит. Он развязал приманку, размотал веревку и с гордостью взглянул на орла. Его темные перья отливали красным, а благородством он не уступал Гуюку – происходил от птицы, которую сам Чингисхан поймал еще ребенком.

Гуюк начал вращать приманку все быстрее и быстрее, пока веревка стала не видна. Орел покружился и, камнем упав вниз, на миг исчез за холмом. Хан улыбнулся: повадки птицы он знал хорошо. Тем не менее орел удивил его – появился сбоку, а не оттуда, куда он смотрел. Гуюк разглядел темный силуэт с расправленными крыльями – орел бросился на приманку и с криком опустился с ней на землю. Гуюк тоже крикнул, хваля орла, и рукой в перчатке протянул ему кусок сырого мяса. Орел жадно набросился на угощение, а хан завязал опутинки и поднял его повыше. Было бы посветлее, устроили бы охоту на лис или зайцев, но вечер быстро вступал в свои права. Успокоившегося орла Гуюк привязал к передней луке седла.

Пока он занимался орлом, Анар лежал на земле, постелив толстую попону. Молодой человек не первый день служил хану, но по-прежнему нервничал. Вот Гуюк снял перчатку и на миг застыл, наблюдая за слугой. Ослабился – вышла ленивая улыбка хищника.

Но тут же она померкла: Гуюк услышал вдали стук копыт и звон колокольчиков. Он поднял голову, негодуя, что к нему посмели приблизиться. Даже гонцу не следовало мешать ему в этот вечер. Гуюк сжал кулаки и, чувствуя себя неловко, застыл в ожидании. Этого гонца, по какому бы поручению тот ни спешил, он отошлет до утра в лагерь. На миг хан подумал, что какой-то идиот нарочно решил помешать ему. Такая зловредность свойственна простолюдинам, и Гуюк пообещал себе выбить у гонца имя злоумышленника. Он с удовольствием назначит шутнику наказание.

В сгущающихся сумерках Гуюк не сразу узнал Бату. Двоюродные братья не виделись со дня возвращения из Большого похода на запад, да и ехал Бату, низко опустив голову. Вот он поднял ее, и Гуюк от изумления вытаращил глаза. Никогда в жизни хан не чувствовал себя таким одиноким. Его драгоценное войско осталось далеко – не дозовешься.

Мрачно улыбаясь, Бату спешил. Анар задал какой-то вопрос, но Гуюк не услышал, потому что со всех ног бросился к коню отвязывать меч, прикрепленный к седлу. Орел забился, испуганный чужаком. Хан бездумно развязал опутинки и отошел от коня, чтобы обеспечить свободу для маневров.

– Не нужно суетиться, господин мой, – проговорил Бату. Спешил он, лишь убедившись, что Гуюк не попробует сбежать. – Эта встреча назревала так давно, что пара мгновений ничего не изменят.

Гуюк заметил меч на поясе Бату и впал в отчаяние. Пока он тарасился, незванный гость вынул клинок из ножен и проверил его остроту.

Сам Гуюк держал в руках меч с волчьей головой – лезвие из синей стали, резная рукоять. Меч передавался в его семье от отца к сыну, от хана к хану. Одно прикосновение к нему придавало сил. Обнажив клинок, Гуюк бросил ножны на траву.

Бату приближался медленно, каждый его шаг источал уверенность. Быстро темнело, но Гуюк видел, как блестят глаза врага. Хан ощерился, борясь со страхом. Он ведь моложе Бату, и он обучался искусству владения мечом у лучших мастеров. Гуюк расправил плечи, ощущая на лбу легкую испарину; сердце бешено билось. Он не ягненок и без боя не сдастся.

Бату почувствовал его уверенность, остановился и глянул на Анара. Слуга Гуюка стоял шагах в десяти от него, разинув рот, как голодный птенец. Хан понял: если не остановить Бату, погибнет и Анар. Он стиснул зубы и поднял меч.

- Ты нападешь на своего хана? На своего двоюродного брата?
- Ты не мой хан, – заявил Бату, приближаясь на шаг. – Я не давал тебе клятву.
- Вот я и явился, чтобы привести тебя к присяге, – парировал Гуюк.

Бату снова остановился, и Гуюк с удовлетворением заметил, что тот озадачен. Это хорошо, даже небольшое преимущество имеет значение. Им обоим известно, что без доспехов поединок продлится несколько мгновений. Два мастера боя продержались бы какое-то время, но обычным воинам битва на мечях сулила скорую смерть. Один удар способен раздробить кость, отсечь руку или ногу...

Бату шагнул мимо коня Гуюка, и хан скомандовал:

– Удар!

Бату отпрянул от коня, ожидая, что тот его лягнет. Двоюродные братья видели боевых коней христианской кавалерии, которые в битве становились оружием. Конь Гуюка на приказ не отреагировал, зато орел у него на спине расправил свои огромные крылья. Гуюк тут же выпрыгнул вперед, крича во все горло.

Испуганный Бату бросился на птицу и полоснул ее мечом, пока та не вонзила в него когти. Крылья заслонили рану от Гуюка. Орел вскрикнул и упал к его ногам. Хан сделал выпад, целясь Бату в грудь, и на миг возликовал: двоюродный брат не успевал поднять меч и отразить удар.

Бату увернулся и стал вытаскивать меч из тела поверженной птицы. Орел упал на спину, но еще хватал когтями воздух и пытался клюнуть своего обидчика. На мгновение рука Бату вытянулась, и Гуюк, вложившись в удар, едва не потерял равновесие. Он задел мечом ребро Бату и отпрянул для нового удара. Легкий дээл распахнулся, обнажив глубокий, обильно кровоточащий порез. Бату выругался и еще дальше отступил от птицы и ее хозяина.

Гуюк улыбнулся, хотя внутри все бурлило: его орла смертельно ранили. Он не решался взглянуть на своего любимца, но жалобный клекот уже затихал.

– Думал, будет легко? – подначил он Бату. – Братишка, я хан нашего народа, носитель духа и меча Чингиса. Он не даст мне погибнуть от руки мерзкого предателя. Анар! – позвал он, не сводя глаз с Бату. – Садись на коня, езжай в лагерь и вызови сюда охрану. А я пока прикончу эту падаль.

Если таким образом Гуюк провоцировал Бату на атаку, то цели своей достиг. Едва Анар двинулся к своей белой кобыле, Бату бросился вперед, меч словно ожил у него в руках. Гуюк отразил удар – и закричал, ощутив силу Бату. Уверенности поубавилось, хан отступил на шаг и вернулся на прежнее место. В памяти всплыл давным-давно усвоенный урок: если начнешь отступать, остановиться сложно.

Меч Бату было не разглядеть – так быстро он двигался. Гуюка спасли навыки, привитые в детстве, и дважды он парировал удары чисто интуитивно. Он с тревогой сознавал, что начинает задыхаться, а Бату орудовал мечом без остановки и малейших признаков одышки. Гуюк блокировал еще один разящий удар, который вспорол бы его, как козла; его легкие уже горели огнем, а Бату не знал усталости, молотя мечом все быстрее и быстрее. Вот ногу словно ужалило: это меч Бату настиг его и сильно рассек мышцы. Гуюк отступил еще на шаг и чуть не упал, потому что раненая нога дрогнула. Посмотреть, как дела у Анара, он не мог и не слышал ничего, кроме звона мечей и собственного дыхания. Оставалось надеяться, что тот спасся бегством. Гуюк подумал, что ему не одолеть Бату, молотящего мечом, как дровосек топором. Он отчаянно защищался и ждал удобного момента, чувствуя, как по ноге течет кровь.

В пылу схватки Бату, не заметив, что сбоку подобрался Анар, блокировал выпад Гуюка и, высоко подняв меч, раскрылся. Тут Анар и сбил его с ног, и они покатались по траве. Гуюк слышал, как колотится его сердце, словно весь мир затих.

Невооруженный Анар попытался сдержать Бату, который вскочил на ноги. Хану представился удобный момент. Бату дважды ударил Анара мечом в бок, лишая его воздуха – и

жизни. Но и чуть живой, тот цеплялся за полу его халата, мешая Бату сохранять равновесие. В диком гневе Гуюк рванулся вперед. Первый его удар не достиг цели, потому что Бату закрылся Анаром, как щитом, а потом бросил. Хан хотел в выпад пронзить сердце Бату, но не хватило прыти. Меч врага настиг его прежде, чем он успел нанести удар. Гуюк прочувствовал каждый дюйм металла, скользящего меж ребер. Он поворачивался вместе с мечом, но гнев еще давал силы сопротивляться. Гуюк охнул – клинок застрял в его груди, и Бату не мог его вытащить. Двоюродные братья едва не обнимались, они стояли слишком близко друг к другу, и Гуюк не мог использовать свой меч. Зато он ударил рукоятью Бату по лицу, сломал ему нос и разбил губы. Силы утекали, как вода, удары слабели, и вскоре хан едва поднимал руку.

Меч выпал из вялых пальцев, ноги подогнулись, и Гуюк осел на землю. Меч Бату, вонзенный глубоко в грудь, опустился вместе с ним. Анар лежал на спине, давился кровью и жадно хватал воздух ртом. Гуюк перехватил его взгляд, но отвел глаза: что ему до участи слуги?

Перед глазами потемнело. Бату потянул рукоять меча, но боли Гуюк почти не чувствовал. Едва клинок вышел из тела, опорожнились кишечник и мочевого пузырь. Но конец все не наступал, и хан бесцельно цеплялся за жизнь, пока в легких оставался воздух.

Бату стоял и налитыми кровью глазами смотрел на труп двоюродного брата. Слуга Гуюка протянул дольше, и Бату, не говоря ни слова, дождался момента, когда Анар перестанет хрипеть и взирать на него с мольбой. Когда оба испустили дух, он опустился на одно колено, положил меч на землю и осторожно ощупал лицо, чтобы определить, сильно ли ранен. Кровь текла из носа липкой струей, попадала в горло, и Бату сплюнул ее на траву. Взгляд его упал на меч Гуюка с оскаленной волчьей мордой на рукояти. Бату покачал головой, дивясь своей жадности, и огляделся в поисках ножен. Затем вытер меч, вложил в ножны и опустил Гуюку на грудь. Ханский дээл уже потяжелел, насквозь пропитавшись остывающей кровью. Меч был в распоряжении Бату, но забрать он его не мог.

– Мой враг мертв, – пробормотал Бату, глядя на неподвижное лицо Гуюка.

От Хубилая он знал, что хан уедет из лагеря без охраны. Ждал целых три дня – лежал и наблюдал, рискуя быть обнаруженным дозорными. Его постоянно одолевали сомнения куда сильнее жажды. А вдруг Хубилай ошибся? Вдруг он впустую теряет время, вместо того чтобы спасти своих людей? Бату был очень близок к отчаянию, когда наконец показался Гуюк...

Он все стоял и смотрел на трупы. Оказывается, уже наступила короткая летняя ночь, хотя схватка долгой не показалась. На убитого орла Бату глянул с сожалением: он знал, что предка этой птицы приручил сам Чингис. Воин расправил плечи, вдохнул свежий воздух и ощутил, как боль стихает. Раны он получил несерьезные и неплохо себя чувствовал. Кровь так и бурлила, Бату дышал полной грудью, наслаждаясь жизнью. Он ничуть не жалел о решении сразиться с ханом. Бату взял с собой лук и вполне мог убить и Гуюка, и его слугу из засады, но выбрал способ достойнее. Он рассмеялся. Что будет с народом без Гуюка, Бату не знал и знать не хотел. Главное, спасены его люди. Усмехнувшись, он вытер свой меч о рубаху слуги, вложил в ножны и зашагал к коню.

Когда подъехал Мунке, воины стояли у тела хана, молчаливые и подавленные. Вставало солнце, на деревьях каркали вороны. Казалось, нижние ветви сплошь облеплены черными птицами, а сколько их опускалось на землю, хлопало крыльями и поглядывало на мертвеца... Пока Мунке спешился, воин раздраженно пнул одного из них; впрочем, тот успел улететь.

Гуюк лежал недвижим, с отцовским мечом на груди. Мунке склонился над телом хана, спрятав чувства под маской равнодушия, которая со временем появляется у каждого воина. Он долго так стоял, и никто не решался заговорить.

– Грабители забрали бы меч, – наконец изрек Мунке глубоким, полным гнева голосом.

Он поднял меч, вытащил из ножен и увидел, что клинок начисто вытерт. Взгляд орлока скользнул по трупам и остановился на кровавых пятнах, темневших на одежде ханского слуги.

– Ты никого не видел? – вдруг спросил Мунке, повернувшись к дозорному, стоявшему ближе всех к нему. Бедняга аж содрогнулся.

– Нет, господин, никого. – Он покачал головой. – Хан не вернулся, и я отправился его искать. Потом... сообщил тебе, господин.

Мунке буравил его взглядом, и дозорный в страхе отвел глаза.

– Ты должен был проверить территорию, – тихо напомнил орлок.

– Господин мой, хан приказал вернуть дозорных в лагерь, – отозвался воин, не решаясь поднять голову.

Он заметно потел, струйка пота слезой ползла по щеке. Вздрыгнул, когда Мунке вытащил меч с рукоятью в виде волчьей головы, но не отступил, а так и стоял, потупившись.

Ни один мускул не дрогнул на лице Мунке, когда он замахнулся и отрубил дозорному голову. Безвольное тело упало наземь, но орлок повернулся к нему спиной. Вот бы Хубилай был сейчас здесь! Вопреки неприязни к цзиньским пристрастиям брата, Мунке чувствовал, что тот дал бы дельный совет. Сам он был в полной растерянности. Казнь дозорного не дала выхода и малой толики его гнева и разочарования. Хан убит. Кто виноват, если не Мунке, орлок его войска? Он долго молчал, потом глубоко вдохнул, набрав в легкие побольше воздуха. Толуй, его отец, отдал жизнь за спасение Угэдэй-хана. Мунке был с отцом до конца и лучше других знал почетные обязанности своего поста. Он не мог сделать меньше, чем отец.

– Я не защитил господина, которому принес клятву, – пробормотал он. – Жизнь прожита зря.

Подошел один из военачальников и склонился рядом с Мунке над телом хана. Старый Илугей вместе с Субудаем участвовал в Большом походе на запад. Он знал Мунке много лет и, услышав слова орлока, покачал головой и проговорил:

– Твоя смерть его не вернет.

Мунке повернулся к нему, покраснев от злости.

– Я виноват! – рявкнул он.

Илугей потупился, не желая смотреть командиру в глаза. И тут увидел, что меч у Мунке в руках шевельнулся. Он расправил плечи и приблизился, показывая, что не боится.

– Мне тоже голову отрубишь? Господин мой, ты должен сдерживать свой гнев. Сейчас ты не можешь расстаться с жизнью. Ты должен вести войско. Мы далеко от дома, господин мой. Если ты погибнешь, кто нас поведет? Куда нам идти? Дальше? Биться с внуком Чингисхана? Или домой? Ты должен вести нас, орлок. Хан погиб, у народа нет вождя. Народ беззащитен, а вокруг столько шакалов... Что случится теперь? Хаос? Братоубийственная война?

Мунке с трудом отогнал мысли о трупах на поляне. Гуюк не успел оставить наследника. Да, в Каракоруме его ждала жена. Мунке смутно помнил молодую женщину, но как же ее зовут? Наверное, это уже не важно. Орлок подумал о Сорхатани, своей матери, и словно услышал ее голос. Ни за Бату, ни за Байдаром войско не пойдет. Должность орлока дает отличный шанс стать ханом. Сердце пустилось галопом, и Мунке зарделся, словно стук его могли слышать. О такой судьбе он не мечтал, но тела, неподвижно лежащие у его ног, служили подтверждением новой реальности. Орлок заглянул Гуюку в лицо, бледное и безвольное.

– Я был тебе верен, – шепнул он трупу.

Вспомнились разгульные пиры, которые Гуюк закатывал в городе. Как же они его раздражали! Рядом с Гуюком Мунке всегда было неловко, и виной тому пристрастия хана. Впрочем, это уже дело прошлое. Орлок силился представить себе будущее, но не мог – и снова пожалел, что Хубилай в Каракоруме, за тысячу миль отсюда. Брат сообразил бы, что сказать людям...

– Я подумаю над твоими словами, – пообещал Мунке Илугею. – Вели завернуть тело хана в ткань и приготовить к дороге. – Он взглянул на сведенное смертной судорогой тело слуги Гуюка, отметив засохшую струйку крови, вытекшую у него изо рта. А что, неплохая мысль...

Мунке заговорил снова: – Хан сражался храбро, уничтожив своего убийцу. Люди должны об этом знать.

– Труп убийцы оставить здесь? – спросил Илугей, глаза которого заблестели. Монгольские воины – известные любители приврать. Может, все именно так и случилось... но неужели умирающий вытер меч и аккуратно положил его поверженному хану на грудь?

Мунке поразмыслил и покачал головой.

– Нет, пусть его четвергуют и бросят в выгребную яму. Остальное – дело солнца и мух.

Илугей понимающе кивнул. Это ведь тщеславие сверкало в глазах Мунке? Илугей не сомневался, что орлок не откажется от права на ханский престол, и не важно, каким образом это право у него появилось. Старый тысячник презирал Гуюка и с облегчением думал о том, что народом будет править Мунке. Орлок ненавидел цзиньскую культуру, незаметно пропитавшую повседневную жизнь. Он станет править как монгол, как Чингисхан. Илугей спрятал улыбку, хотя его старое сердце пело.

– Как прикажешь, господин, – невозмутимо отозвался он.

Глава 10

Обратный путь занял месяц – почти в два раза меньше, чем дорога из Каракорума. Свободный от приказов Гуюка, Мунке поднимал воинов на заре, гнал во всю прыть и дважды думал, прежде чем объявить привал.

Когда вдали замаячили светлые городские стены, настроение воинов было трудно определить. Они везли тело хана, и многие стыдились того, что не исполнили свой долг перед Гуюком. Однако Мунке держался уверенно, уже не сомневаясь в полноте своей власти. Гуюка как хана не любили, и многие воины по примеру орлока нос не вешали.

Печальную весть отправили вперед с ямскими гонцами. В итоге Сорхатани успела подготовить город к трауру. Утром, когда подошло войско, развели огонь под жаровнями, полными кедровых щепок и агарового дерева. Над Каракорумом вился серый дым, наполняя город ароматами, в кои веки заглушавшими вонь забитых сточных канав.

Вместе с дневными стражниками, облачившимися в свои лучшие доспехи, Сорхатани ждала у городских ворот войско старшего сына. Хубилай только вернулся в Каракорум: раньше Мунке он успел лишь благодаря тому, что скакал под видом ямского гонца. «Старость не радость», – думала Сорхатани, стоя на ветру и глядя на пыль, которую поднимали десятки тысяч всадников. Один из стражей прочистил горло и зашелся кашлем. Сорхатани глянула на него, молча призывая к тишине. Мунке был еще далеко, поэтому она приблизилась к стражнику и коснулась рукой его лба. Тот пылал. Женщина нахмурилась. Краснолицый охранник не мог ответить на ее вопросы. Когда Сорхатани заговорила, он бессильно поднял руку, и она, раздосадованная, жестом отправила его прочь от ворот.

В горле запершило, и Сорхатани сглотнула, чтобы не раскашляться. Лихорадка одолела двух ее слуг, но женщине сейчас было не до этого: Мунке возвращался.

Сорхатани подумала о муже, погибшем много лет назад. Толуй отдал жизнь за спасение Угэдэй-хана и даже не мечтал, что его сын однажды взойдет на ханский престол. Но раз Гуюк погиб, других кандидатов нет. Бату обязан ей всем, не только жизнью. Хубилай не сомневался, что Бату не станет мешать ее семье. Сорхатани беззвучно поблагодарила дух мужа за то, что Толуй пожертвовал собой и сделал случившееся возможным.

Войско остановилось и рассредоточилось вокруг города. Коней разгружали и пускали пастись на траве, выросшей за месяцы похода. Сорхатани подумала, что луга Каракорума скоро снова станут пустыней. Вон Мунке с темниками и тысячниками. Интересно, расскажет ли она ему когда-нибудь о роли, которую сыграла в гибели Гуюка? Все пошло не так, как планировали они с Хубилаем. Сорхатани собиралась только спасти Бату, но гибели хана не желала. Фавориты Гуюка тряслись от ужаса с тех пор, как слышали, что их покровитель мертв. Сорхатани натерпелась от них столько мелких пакостей, что теперь открыто наслаждалась их страданиями. Она распустила стражу, которую приставил к ней Гуюк. Откровенно говоря, Сорхатани не имела на это права, но стражники сами почувствовали, что ветер переменялся, и исчезли из ее покоев с удивительной быстротой.

Мунке подъехал, спешил и сдержанно обнял мать. Сорхатани заметила у него на поясе меч с волчьей головой, символ власти, но виду не подала. Мунке еще не хан, его ждет немало трудных дней, пока Гуюка не похоронили или не сожгли.

– Мама, боюсь, я привез дурные вести. – Открыто о случившемся еще не сообщали. – Гуюк-хан пал от руки своего слуги во время охоты.

– Пробил скорбный час для нашего народа, – церемонно отозвалась Сорхатани, наклонив голову. Подступающий кашель стянул грудь, и женщина спешно проглотила слюну. – Необходимо провести новый курултай. Я разошлю гонцов и следующей весной созову всех в город. Народу нужен хан, сын мой.

Мунке пристально посмотрел на мать. Глаза ее блестели. Тонкий намек, скрытый в конце фразы, вероятно, расслышал один орлок. Он чуть заметно кивнул в ответ. Военачальники уже считали Мунке ханом, ему осталось лишь объявить об этом всенародно. Он сделал глубокий вдох, глянул на почетный караул, который собрала его мать, и со спокойной уверенностью проговорил:

– Нет, только не среди этих холодных камней. Я – будущий хан, внук Чингиса, решение за мной. Я соберу народ в Авраге, где Чингисхан провел первый курултай.

На глаза Сорхатани навернулись непрошеные слезы гордости, и она молча кивнула.

– Народ отделился от принципов, заложенных моим дедом, – объявил Мунке уже громче, чтобы слышали и военачальники, и стража. – Я верну его на путь истинный.

Он взглянул на раскрытые городские ворота, за которыми десятки тысяч человек работали на благо империи: кто вносил скромную лепту, кто – большую, соразмерно своим доходам. На лице Мунке мелькнуло презрение. Впервые после известия о гибели Гуюка Сорхатани встревожилась. Думалось, сыну понадобится ее помощь, чтобы подчинить город своей власти, а Мунке, казалось, не видел Каракорум и не интересовался им.

Когда он заговорил, опасения Сорхатани подтвердились.

– Мама, тебе стоит удалиться в свои покои. По крайней мере, на несколько дней. Я привез в Каракорум горящую ветвь и, прежде чем стать ханом, очищу город от скверны.

Сорхатани отступила на шаг, а Мунке вскочил на коня и через городские ворота поскакал к дворцу. Его свита была при оружии. Сорхатани по-иному взглянула на хмурые лица воинов, последовавших в Каракорум за своим господином. Они подняли такую пыль, что она закашлялась, из глаз снова потекли слезы.

К полудню благовония на жаровнях догорели, начался положенный траур по Гуюк-хану. Его тело поместили в дворцовый подвал, чтобы обмыть и обрядить для погребального костра.

Через полированные медные двери Мунке вошел в зал для приемов. Завидев его, придворные поклонились, коснувшись лбами деревянного пола. Гуюку это нравилось, а вот Мунке...

– Встать! – рявкнул он. – Хотите – кланяйтесь, но цзиньского лизоблюдства я не потерплю.

С grimасой отвращения Мунке сел на богато украшенный трон Гуюка. Слуги неуверенно поднялись; орлок внимательно на них посмотрел и нахмурился. В зале не было ни одного чистокровного монгола – вот чего за несколько лет добились Гуюк и его отец, правивший до него. Какой смысл покорять народы, если они покоряют ханство изнутри? Главное – чистота крови. Но эту прописную истину такие, как Гуюк и Угэдэй, усвоить не в состоянии. Присутствующие в зале управляли империей, устанавливали налоги, обогащались, а их завоеватели прозябали в нищете. От злости Мунке оскалился, еще больше всех напугав. Вот он глянул на Яо Шу, ханского советника. Долго не сводил с него глаз, вспоминая уроки, которые давал ему цзиньский монах. Яо Шу научил его основам буддизма, арабскому и китайскому... Как Мунке ни презирал ту науку, он восхищался учителем и понимал: Яо Шу незаменим. Орлок поднялся и прошел мимо слуг, хлопая старших по плечу.

– Встаньте у трона, – велел он, и те тотчас же повиновались. В итоге он отобрал шестерых и остановился возле Яо Шу. Советник не сутулился, хотя, вероятно, в зале был самым старшим. В молодости он знал Чингисхана, и уже за это Мунке не мог его не уважать. – Этих людей ты, советник, оставишь. Остальных наберешь из чистокровных монголов. Не допущу, чтобы моим городом управляли чужеземцы.

Яо Шу мертвенно побледнел, но в ответ лишь отвесил поклон.

Мунке улыбнулся. Он был в доспехах, наглядно показывая, что шелк в Каракоруме больше не носят. Возмужавшие в битвах, монголы попали в руки цзиньских придворных. Это никуда не годится. Мунке приблизился к стражнику и шепнул ему на ухо приказ. Тот убежал

прочь, а писцы и придворные встревоженно уставились на орлока, который, продолжая улыбаться, смотрел на город в открытое окно.

Стражник принес палку с тонким кожаным шнуром на конце. Плеть. Мунке взял ее и расправил плечи.

– Вы разжирели в городе, которому не нужны, – заявил он, махнув плетью в воздухе. – Отныне такому не бывать. Вон из моего дома!

Придворные застыли, потрясенные его словами, и Мунке тотчас воспользовался замешательством.

– Ах вы еще и обленились при Гуюке и Угэдэе?! Когда монгол – любой из монголов – отдает приказ, нужно пошевеливаться!

Мунке хлестнул ближайшего к нему писца, перевернув плетью рукоятью вперед. Тот с криками упал на спину, а Мунке принялся от души его дубасить. Зал огласился криками – придворные спасались бегством, а орлок ухмылялся. Он хлестал, хлестал и хлестал, порой до крови. Писцы бросились вон из зала, а Мунке продолжал бить замешкавшихся по ногам, по лицам – куда попало.

Он гнал их к внутреннему двору, где на солнце блистало серебряное дерево. Иные падали, а Мунке смеялся и пинками заставлял их подниматься, кряхтя от боли. Словно пастух среди овец, он орудовал плетью, чтобы отара не разбредалась. Наконец впереди замаячили ворота. На башнях по разные стороны от них стояли стражники и изумленно взирали на происходящее. Мунке не сбавил темп, даром что взмок от пота. Он хлестал, пинал, лупил, пока не вытолкнул за ворота последнего цзиньца. Лишь тогда остановился, тяжело дыша в тени ворот.

– Вы достаточно получили от монголов, – объявил он. – Отныне либо честно зарабатывайте себе на хлеб, либо голодайте. Сунетесь ко мне в город – поплатитесь головой.

Цзиньцы взвыли от злости, и Мунке подумал, что они еще припомнят ему эту обиду. У многих в Каракоруме остались жены и дети... Только орлоку было все равно. Ему даже хотелось, чтобы придворные взбунтовались – так и подмывало схватиться за меч. Ученых и писцов Мунке не боялся. Они же цзиньцы – ни ум, ни гнев им не помогут.

Когда яростные вопли сменились бессильным ропотом, орлок посмотрел вверх на стражников.

– Закройте ворота! – скомандовал он. – Запомните их лица. Сунется кто в город, разрешаю пустить стрелу.

Видя ужас в глазах толпы, Мунке рассмеялся. Оспорить его приказы не решался никто. Он подождал, пока ворота закроются, а вид на равнины сузится в щелку и исчезнет начисто. Цзиньцы за воротами выли и рыдали, а Мунке кивнул дневным стражникам, бросил наземь окровавленную плетью и двинулся во дворец. По дороге ему попались тысячи цзиньских лиц: люди выглядывали из домов посмотреть на человека, который весной станет ханом. Мунке поморщился: ему снова напомнили, как сильно город отклонился от своего истинного предназначения. Только он не Гуюк и препятствовать своим планам не позволит. Монголы теперь – его народ.

Аромат агарового дерева был уже не таким сильным, как утром, но в городе по-прежнему воняло, как в лазарете после битвы. Мунке мрачно подумал о ранах, которые видал в своей жизни, – воспаленные и блестящие от гноя. Нужна смелость и твердая рука, чтобы очистить такую рану; зато после болезненного надреза начнется заживление. Мунке улыбнулся на ходу. Твердой рукою станет он.

К наступлению темноты Каракорум загудел. По приказу Мунке воины отрядами по десять-двадцать человек проникли в город и прочесали каждую улицу, осмотрев имущество каждой семьи. При малейших признаках сопротивления хозяев вытаскивали на улицу, при-

людно избивали и оставляли на дороге до тех пор, пока осмелевшая родня не выползала и не забирала их обратно. Иные целую ночь валялись там, где их бросили.

Ложа больных и те обыскивали – а вдруг где спрятано золото или серебро. Больных вытряхивали из постелей и заставляли стоять на холоде, пока воины не закончат. Многие кашляли и дрожали, с бессильной апатией наблюдая за бесчинствами. Больше других пострадали цзиньские семьи, но и ювелиры-мусульмане за ночь потеряли все свое добро – от сырья до готовых украшений, выставленных на продажу. По идее, все, что изъяли, следовало описывать, а на деле ценности исчезали за пазухами дээлов, которые воины носили поверх доспехов.

Рассвет не принес передышки – лишь выявил масштаб погромов. На каждой улице валялось по трупу, город оглашал плач женщин и детей.

Центром погромов стал дворец – точнее, роскошные покои придворных и фаворитов Гуюка. Их жены либо достались воинам Мунке, либо угодили за городские ворота к своим мужьям. Атрибуты высоких должностей уничтожили: и гобелены, и буддийские скульптуры. Впрочем, во дворце зачистка проходила под личным надзором Мунке. Все ценное аккуратно собирали и складывали в подвалах, прочее сжигали на огромных уличных кострах.

На второй вечер после возвращения в город орлок вызвал в зал для приемов двух военачальников, которым доверял больше других. Илугея и Нояна он считал настоящими монголами, выросшими с луками в руках. Ни тот ни другой не поддавались цзиньским веяниям. Впрочем, уже и поддавшиеся спешно брили голову и избавлялись от чужеземных вещей. Мунке недвусмысленно выразил свою волю, когда плетью выгнал из города цзиньских писцов.

Сам факт встречи с военачальниками в отсутствие иноземных чиновников, которые фиксировали бы сказанное, был решительным отказом от наследия Гуюка. Яо Шу Мунке пощадил, но не желал допускать старика на собрание, пока обсуждается главное. Прежний хан наделал уйму долгов, а ведь их нужно выплачивать. Лишь Отцу Небу известно, как Гуюк умудрился столько занять, притом что казна пустовала. Встревоженные купцы уже осаждали Мунке просьбами расплатиться по распискам. Орлок поморщился. Отобранное у цзиньцев покроев большинство долгов Гуюка, но это значит остаться без средств на многие месяцы. Честь обязывала расплатиться, к тому же Мунке нуждался в благоволении купцов и в их товаре. Оказывается, дело хана не только громить врагов.

Мунке еще не понял, правильно ли поступил, согнав всех придворных с насиженных мест. Он подозревал, что Яо Шу закидает его мелкими проблемами – хотя бы потому, что не одобряет этот шаг. Ну и пусть, воспоминания о забавах с хлыстом грели Мунке душу. Он должен был показать, что не такой, как Гуюк, и что отныне Каракорум принадлежит монголам.

– К Дорегене людей отправили? – спросил орлок Нояна.

Военачальник гордо стоял перед ним в традиционном дээле, лицо его лоснилось от свежего бараньего жира. Он явился без доспехов, а меч Мунке разрешил оставить. В отличие от Гуюка и Угэдэя, своего окружения орлок не боялся.

– Да, господин, отправили. Как выполнят задание, они сразу мне сообщат.

– А как насчет Огуль-Каймиш, жены Гуюка? – спросил Мунке, переведя взгляд на Илугея.

Прежде чем ответить, тот поджал губы.

– Эта проблема... еще не решена, господин. Я посылал воинов к ней в покои. Их не впустили, а я подумал, что тебе не захочется поднимать шум. До завтра она непременно выйдет.

Мунке не отреагировал на эти слова, и Илугей вспотел под взглядом его желтых глаз. Наконец орлок кивнул.

– Как ты, Илугей, выполняешь мои приказы, меня не касается. Доложи, когда все будет готово.

– Да, господин, – отозвался тот и вздохнул с облегчением.

Мунке отвернулся, и Илугей заговорил снова:

– Огуль-Каймиш... в городе любят, господин мой. Везде только и говорят о ее беременности. Могут начаться волнения.

Орлок зыркнул на потного старика.

– Так вытащи ее из покоев ночью. Избавься от нее, Илугей, это мой приказ.

– Да, господин. – Военачальник пожевал губу. – Огуль-Каймиш не расстанется с двумя служанками. Если верить сплетням, та, что постарше, разбирается в травах и древних обрядах. Боюсь, не околдовала ли она госпожу своими заклинаниями.

– Я ничего не слышал... – Мунке осекся. – Да, Илугей. Повод хороший. Раскопай правду. Колдовство – злодеяние серьезное. Если обвиним Огуль-Каймиш в колдовстве, никто за нее не вступится.

Он отпустил военачальников и вызвал Яо Шу. Нелегка жизнь будущего хана, но Мунке избрал себе высокую цель. Он вскроет гноящуюся рану, и та очистится. Всего через несколько месяцев он будет править монгольской империей без цзиньской скверны в самом ее сердце. Прекрасная мечта! Сверкающими от счастья глазами Мунке смотрел, как ему кланяется Яо Шу.

Глава 11

Дорегене сидела в летнем дворце своего мужа. Тишину в зале нарушало лишь негромкое шипение лампы. Опрятный белый дээл, новые туфли из белого полотна, седые волосы убраны назад так, что из парных заколок не выскальзывает ни пряди. Украшений не осталось: Дорегене все раздала. В такое время о прошлом думать не хотелось, а о настоящем не получалось. Она столько плакала по Гуюку, что болели глаза, но сейчас в душе воцарилось спокойствие. Слуг тоже не осталось. Когда ей сообщили, что по дороге из Каракорума идут воины, у Дорегене сердце екнуло. В летнем дворце жили двенадцать слуг, кое-кого она знала десятилетиями. Со слезами на глазах госпожа отдала им все золото и серебро, которое сумела найти, и отпустила. Она не сомневалась: воины Мунке перебьют их, когда явятся сюда. Дорегене слышала о расправах, проводимых орлоком в городе, и даже подробности отдельных казней. Мунке избавлялся от тех, кто поддерживал Гуюка, и она не удивилась, что он послал к ней воинов; чувствовала только усталость.

Когда слуги разошлись, Дорегене устроилась в самом спокойном месте дворца и устремила взгляд на закат. Пуститься в бега не позволял возраст, даже если бы она надеялась ускользнуть от преследователей. Как странно смотреть в глаза неминуемой смерти, хотя ни страха, ни злости не было. Дорегене совсем недавно потеряла любимого сына и слишком сильно по нему горевала, чтобы жалеть себя. Она чувствовала себя обессиленной, как человек, переживший свирепый шторм: он способен лишь судорожно дышать и отлеживаться на камнях, глядя прямо перед собой.

Из ночного сумрака донеслись голоса воинов Мунке: они подъехали и спешили. Дорегене слышала тихие звуки, от стука сапог по камням до звона упряжи и доспехов. Она подняла голову, вспоминая лучшие годы. Угэдэй, ее муж, был хорошим человеком и хорошим ханом, но мстительная судьба не дала ему прожить долгую жизнь. Не погибни он... Дорегене вздохнула. Не погибни Угэдэй, она не ждала бы смерти, брошенная всеми во дворце, который знал счастливые дни. Дорегене подумала о розовых кустах, подаренных ей Угэдэем. Без присмотра они одичают. Женщина размышляла то об одном, то о другом, прислушиваясь к приближающимся шагам.

Гордился бы Угэдэй Гуюком? Дорегене сомневалась. Великим человеком ее сын не был. Лишенная будущего, она четче видела прошлое: сколько ошибок совершила, сколько неверных решений приняла. Глупо оглядываться назад и думать: если бы да кабы... Но удержаться от этого Дорегене не могла.

Когда за дверями зала заскрипели сапоги, ее мысли скомкались. Она вдруг испугалась и сложила руки замком. И тут в зал один за другим стали входить воины. Они ступали чуть слышно и держали мечи наголо, опасаясь нападения. Дорегене едва не рассмеялась, глядя на них, и медленно поднялась, чувствуя, как протестуют колени и спина.

Старший из воинов приблизился и удивленно посмотрел на нее.

– Госпожа, ты одна? – спросил он.

Глаза Дорегене вспыхнули.

– Я не одна. Справа от меня – мой муж Угэдэй-хан, слева – мой сын Гуюк-хан. Неужели вы их не видите? Они наблюдают за вами!

Слегка побледнев, воин скользнул взглядом направо, потом налево, словно Дорегене впрямь защищали духи. Но тут же поморщился: спутники следят за каждым его шагом и каждое слово передадут Мунке.

– Госпожа, я выполняю приказы, – проговорил он, как будто извиняясь.

Дорегене еще выше подняла голову, вытянувшись в струну.

– Меня загрызают псы, – пробормотала она, презрением изгоняя страх, и громко добавила: – За все на свете нужно платить, воин. – Подняла глаза, словно видела сквозь каменную крышу над головой. – Мунке-хан падет. Налыются кровью его глаза, сон и покой он забудет. Жить ему в боли и немочи, а потом...

Одним взмахом меча воин перерезал Дорегене горло. Она со стоном упала, быстро ослабев; ее кровь хлынула на сапоги воина. Посланцы Мунке молча смотрели, как умирает старая женщина. Летний дворец они покинули быстро, испуганные тишиной, сели на коней, не глядя друг на друга, и поскакали прочь.

Военачальник Илугей стоял перед Мунке и, сам не понимая почему, волновался. Откуда эти странные переживания? Для нового правителя естественно истреблять сторонников своего предшественника. Кроме того, совершенно разумно устранить тех, кто связан с прошлым режимом кровными узами. Восстания не вспыхнут, если дети врагов не вырастут и не научатся ненавидеть. Потомки Чингисхана усвоили уроки его жизни.

С особым удовольствием Илугей заносил своих врагов в списки, которые готовил для Мунке. О такой власти он и не мечтал! Просто диктуешь писцу имя, а через день ханская охрана разыскивает и казнит названного. Протестовать никто не осмеливался.

Но увиденное тем утром выбило Илугея из колеи. Мертворожденные дети для него не в новинку, его собственные жены родили ему четверых таких. Но, наверное, поэтому холодное маленькое тельце подточило его решимость. Илугей полагал, что Мунке заподозрит его в слабости, поэтому старался говорить равнодушно.

– Господин мой, боюсь, жена Гуюка потеряла рассудок, – доложил он орлоку. – Лепечет, как дитя, льет слезы, баюкает мертвого младенца, точно живого...

Мунке закусил нижнюю губу, раздосадованный тем, что простое задание обернулось такими трудностями. Наследник был бы угрозой; сейчас же Мунке мог спокойно отослать Огуль-Каймиш к родителям. Он, конечно, фактически хан, но не провозглашенный перед всем народом, и у его власти есть предел... Мунке беззвучно проклял человека Илугея, сообщившего ненужные подробности преступлений Огуль-Каймиш. От обвинения в колдовстве не отмахнешься, это уже серьезно. Орлок сжал кулаки, вспомнив тысячи других дел, которыми следовало заняться. За несколько дней были казнены сорок три сторонника Гуюка. Их кровь залила учебное поле вокруг города. В ближайшее время кровь прольется снова, иначе гнойную рану не вскрыть.

– Приказ остается в силе, – наконец проговорил Мунке. – Добавь ее имя к списку, и покончим с этим.

Илугей поклонился, пряча разочарование.

– Твоя воля, господин.

Глава 12

Огуль-Каймиш стояла на берегу Орхона и смотрела на темную воду. Связанные за спиной руки онемели и опухли. Ее караулили двое мужчин, следивших, чтобы она не бросилась в реку раньше времени. Огуль дрожала на утреннем холоде, но старалась обуздать свой страх, чтобы не потерять достоинство.

Присутствовал и Мунке со своим окружением. Он слушал кого-то из военачальников и улыбался. Минули те дни, когда хан со свитой выглядели живописно и ярко. Сейчас все воины и старшие помощники Мунке носили простые дээлы, украшенные разве что стежкой, а большинство и традиционную прическу – длинный хохол на бритой макушке. Лица лоснились от свежего бараньего жира. Без оружия явились только Яо Шу и уцелевшие цзиньские писцы, у остальных мечи болтались чуть ли не у лодыжек – тяжелые кавалерийские мечи, которыми на всем скаку рубят врагов. В Каракоруме имелись собственные плавильни, где оружейники день-деньской трудились у горнил. Каждый понимал: Мунке готовится к войне и начнет ее сразу, как только добьет друзей и соратников Гуюка.

Друзей и соратников ее *мужа*... В тот день Огуль ничего не чувствовала, словно вокруг сердца вырос защитный панцирь. Она потеряла слишком много и слишком быстро – от случившегося до сих пор кружилась голова. На старую Баярму, свою любимую служанку, Огуль даже взглянуть не смела – связанная, бедняжка ждала казни вместе с десятком других.

Орлок никуда не спешил. Самый крупный в своей свите, он выделялся на фоне присутствующих, тем более что стоял в центре. Тяжелый, а двигается легко – вот что дают сила и молодость, позволяющая ей насладиться. Огуль мечтала, чтобы он упал замертво перед всеми, только разве такое случится? Мунке же не замечал страданий жалкой кучки приговоренных. На глазах у Огуль он взял у слуги чашу с араком и захохотал вместе с приятелями. Почему-то это особенно ранило: столько презрения даже в последний день жизни... Один из связанных не выдержал и обмочился – штаны потемнели, под ноги потекла тонкая теплая струйка. Несчастный не заметил этого: глаза у него уже помутнели. Огуль отвернулась, набираясь смелости. Всем этим людям грозит лишь удар меча. Ее же казнь будет медленной.

Мунке помнил, что жена хана сама становится царских кровей, и это не сулило ничего хорошего. Огуль посмотрела на темные воды канала, который прорыл Угэдэй, и снова содрогнулась. Захотелось опорожнить мочевой пузырь, хотя утром женщина старалась не пить. От напряжения руки и ноги похолодели, пульс участился. При этом Огуль сильно потела, под мышками появились темные пятна. Она прислушивалась к малейшим изменениям в себе и дрожала, отчаянно стараясь отвлечься.

Мунке допил арак, швырнул чашу слуге и кивнул военачальнику. Тот заорал, призывая к порядку. По струнке вытянулись все, даже кое-кто из приговоренных, насколько могло получиться в путях. Огуль лишь головой покачала: несчастные глупцы, неужели они надеются разжалобить мучителей? Ничего не выйдет.

Яо Шу тоже присутствовал, хотя Огуль почудилось, что ему очень не по себе. Поговаривали, что советник пропустил первые казни, сославшись на болезнь, но изощренный мучитель Мунке почувствовал неладное, и теперь без Яо Шу не обходилась ни одна расправа. Зачитали список приговоренных. Огуль слушала имена и грустно наблюдала, как каждый из приговоренных кивает, услышав свое.

После долгого ожидания страшная процедура неожиданно ускорилась. Несчастных пинками заставили опуститься на колени, а от свиты Мунке отделился молодой воин с длинным мечом. Огуль знала: служить орлоку для него большая честь. На его месте мечтали оказаться многие воины, еще не пролившие кровь в битве. Огуль вспомнила, как в одном далеком городе Чингисхан подверг казни десятки тысяч человек, только чтобы научить воинов убивать.

Огуль не слушала обвинений, которые дрожащим голосом зачитывал Яо Шу, держа текст перед собою. Палач уже подошел к первой коленапреклоненной фигуре, готовясь произвести хорошее впечатление на Мунке.

Началась расправа. Огуль не сводила глаз с реки, игнорируя крики одобрения и смех людей орлока. Баярма стояла четвертой, и Огуль заставила себя взглянуть на старуху. Служанку обвинили заодно с Огуль-Каймиш – мол, именно она научила жену хана колдовству.

Когда мечник резко заговорил с нею, Баярма не склонила голову и не вытянула шею. Не обращая на него внимания, она смотрела на Огуль. Женщины переглянулись, и служанка улыбнулась, прежде чем два удара мечом отняли у нее жизнь.

Огуль смотрела на темные воды, пока расправа не закончилась. Когда казнили последнего, она подняла голову и увидела, что молодой палач потрясенно разглядывает свой клинок. Наверняка на нем остались зазубрины от костей. Мунке подошел к юноше, похлопал по спине и вручил чашу с араком. Огуль наблюдала за ними с мрачной ненавистью. Когда орлок повернулся к ней, у женщины испуганно екнуло сердце, а связанные руки непроизвольно зашевелились.

Яо Шу назвал ее имя. На сей раз голос его дрогнул так явно, что Мунке нахмурился. Чингисхан запретил монголам проливать благородную кровь. Но мысль об иных способах казни вселяла в Огуль панику.

– Огуль-Каймиш опозорила имя хана колдовством и прочими непотребными делами, доведшими до убиения собственного дитяти.

Женщина сжала кулаки, погружаясь во внутреннюю пустоту, чтобы устоять на ногах.

Яо Шу дочитал обвинение и спросил, не выступит ли кто-нибудь в защиту Огуль-Каймиш. В воздухе витал запах крови. Никто не шевельнулся, и Мунке кивнул воинам, стоявшим рядом с Огуль.

Несчастливая дрожала, когда ее уложили на толстую войлочную подстилку. Непроизвольно задвигались ноги – инстинкты заставляли бежать, а она не могла. Яо Шу вдруг начал читать молитву. Мунке свирепо глянул на него, но старик продолжал молиться, хоть у него срывался голос.

Воины завернули Огуль так плотно, что затхлый войлок облепил ей лицо и наполнил легкие пылью. Поддавшись панике, женщина вскрикнула, но крик тут же заглушила плотная ткань. Материал натянулся: сверток скрепили кожаными ремнями и застегнули застегки. При Мунке звать на помощь Огуль не собиралась, но не сдержала стон, вырвавшийся из горла, как из ловушки. Тишина казалась бесконечной, собственный пульс звучал в ушах Огуль барабанной дробью. Сверток пришел в движение – его медленно покатали к каналу.

Когда ледяная вода накрыла ее, Огуль дико забилась, глядя, как вокруг лопаются серебряные пузырьки. Войлочный сверток быстро пошел ко дну. Огуль задержала дыхание и терпела, сколько могла.

Ночь выдалась холодная, но Сорхатани лежала под одной простыней. Хубилай склонился над ней, а взяв за руку, чуть не отпрянул: такой горячей была мать. Прокатившаяся по Каракоруму лихорадка уже шла на убыль: день ото дня заболевало все меньше людей. Так случилось каждое лето: зараза терзала десятки или сотни горожан, зачастую еще не окрепших от прошлого недуга.

Со слезами на глазах Хубилай смотрел, как мать задыхается от кашля. Сорхатани изгибалась дугой, слабые мышцы напрягались. Приступ закончился, она судорожно вдохнула воздух. Женщина жалела, что сын видит ее такой изнуренной. Она улыбнулась, хотя глаза ее были тусклыми и безжизненными.

– Продолжай, – попросила она.

– Яо Шу заперся у себя в покоях. Никогда не видел его таким расстроенным. Бедная Огуль! Ужасная смерть...

– Смерть всегда ужасна, – прохрипела Сорхатани. – Иначе не бывает, Хубилай. Нам дано лишь не замечать ее, пока она не достигнет нас. – Говорить было невыносимо тяжело, и Хубилай попробовал остановить Сорхатани, но она лишь отмахнулась. – Люди на это великие мастера. Живут, понимая, что умрут, часто говорят об этом, а сами не верят. Каждый втайне надеется, что именно его смерть обойдет стороной, что именно он будет жить вечно и не состарится. – Она снова закашлялась; Хубилай морщился и терпеливо ждал, пока мать сможет дышать. – Вот и я даже сейчас надеюсь... выжить. Сынок, я старая дура.

– Не старая и не дура, – тихо возразил Хубилай. – Ты до сих пор мне нужна. Чем бы я занимался, если бы не разговаривал с тобой?

Сорхатани снова улыбнулась, ее лицо сморщилось, как старая тряпка.

– Я не хочу... отправляться к твоему отцу сегодня же. Хочу сказать Мунке, что я думаю о его казнях.

Хубилай скривился.

– Судя по слухам, он потряс воображение тайджи и военачальников. А кому по вкусу бойня? Они называют его новым Чингисом.

– Наверное, так оно и есть, – задыхаясь, проскрипела Сорхатани.

Хубилай поднес ей чашу с яблочным соком, который она выпила с закрытыми глазами, и заметил:

– Мунке мог прогнать Огуль-Каймиш и ее старую служанку.

Он изучал жизнеописание своего деда и подозревал, что мать права, однако это не избавляло от горечи. Менее ста казней – и его старший брат прослыл безжалостным. Разумеется, как правителю, это ему не мешало. Люди считали Мунке символом эпохи новых завоеваний. И вопреки опасениям и личной неприязни, Хубилай понимал, что они правы.

– Он станет ханом, сынок. Не оспаривай его решений. Запомни, твой брат не Гуюк. Мунке силен.

– И глуп, – шепнул Хубилай.

Сорхатани засмеялась, а потом закашлялась. Такого сильного приступа сын еще не видел. Она кашляла и кашляла, а когда промокнула рот простыней, он увидел на ткани кровавое пятно. Хубилай смотрел на него во все глаза.

Едва кашель стих, Сорхатани покачала головой и чуть слышно проговорила:

– Мунке не дурак, Хубилай. Он понимает куда больше, чем ты думаешь. Его воинам пастухами уже не стать. Он играет с огнем, сынок. Отступать поздно.

Хубилай нахмурился: ну почему его мать во всем поддерживает Мунке?! Ему хотелось разделить с ней свой гнев, а не выслушивать оправдания действий брата. Не успев заговорить, он вдруг понял: Сорхатани ему мать и лучшая подруга, но равного отношения к своим детям от нее не жди. Она просто не видит недостатков Мунке. Хубилай с досадой подумал, что в лучшем случае обидит ее. Он прикусил язык, запретив себе спорить.

– Я подумаю над этим. Мама, ты, главное, выздоравливай. Хочешь ведь увидеть, как Мунке станет ханом?

Сорхатани слабо кивнула. Прежде чем уйти, Хубилай вытер ей пот со лба.

Тело Гуюка сожгли на ритуальном костре за Каракорумом, и траур закончился. Тело разлагалось даже в холодном подвале, и от костра сильно пахло ароматическими маслами. Мунке наблюдал, как пламя уничтожает его предшественника. Каждый второй из присутствующих был пьян. Дух хана нужно проводить в мир иной – других предлогов не потребовалось. Пьяные тысячами брели к погребальному костру, брызгали араком с кончиков пальцев или попросту выплевывали в огонь. Кое-кто подбирался слишком близко и с криками отбежал: одежда зани-

малась, и ее приходилось тушить. Во тьме мелькали тысячи мотыльков и кусачих насекомых, ярким светом привлеченных из города и поселений. Мошки гибли миллионами, летя на пламя и черным облаком нависая над костром. Мунке вспомнил девушек, слуг и воинов, похороненных вместе с Гуюком. «С ним горят одни мошки», – подумал он и улыбнулся.

Когда огромный костер превратился в сияющую гору выше человеческого роста, Мунке послал за братьями. По его приказу Хубилай, Хулагу и Ариг-Буга вместе с ним отправились в притихший город, оставив народ пировать. После такой ночи на свет появятся дети, в пьяных ссорах погибнут мужчины и женщины, но ведь жизнь и смерть соединены навеки. Все правильно, так и должно быть.

Братья шли по казавшемуся пустым городу. Мунке и Хубилай, не похожие ни внутренне, ни внешне, непроизвольно держались впереди. Хулагу, такой же коренастый и широколобый, как Мунке, старался не отставать от братьев. Ариг-Буга – самый низкорослый, с бегающим взглядом и старым уродливым рубцом через все лицо. Часть рубца была багровой, часть – желтой, как мозоль. Несчастный случай оставил его без переносицы, поэтому дышал Ариг шумно, через рот. Любой признал бы в четверке братьев, хотя непонимания между ними было больше, чем дружбы. Они молчали, ожидая, когда Мунке поделится с ними планами.

Хубилай нервничал больше других. Только он не отрекся от цзиньской культуры – ни в прическе, ни в тонкой шелковой одежде. Получился маленький бунт, но Мунке пока ничего не предпринимал.

Дворец охраняли ночные стражи: в свете ламп и тишине несли они свою службу. Кешиктены стояли по стойке смирно, а завидев орлока, вообще уподобились статуям. Мунке их словно не замечал, погружившись в раздумья. Через внешний двор он буквально пронесся; Ариг-Буга едва поспевал за братьями, спешащими через внутренние дворы к залу для приемов.

Двери из полированной меди тоже караулили кешиктены. На сверкающих листах ни зеленого пятнышка, сильно пахло воском. Мунке еще не стал ханом, но в городе его приказы считались законами и выполнялись неукоснительно.

Со скрытым раздражением Хубилай наблюдал, как брат входит в зал, убирает салфетку с кувшина, наливает в чашу вино и выпивает его быстрыми глотками. Сидеть стало негде. Зал опустел – остался лишь длинный стол, заваленный картами и свитками, перевязанными разноцветными нитями. Сверкающий трон Гуюка и Угэдэя исчез – наверняка пылился где-нибудь в ожидании нового века.

– Хотите вина? Пейте! – предложил Мунке.

Хулагу и Ариг-Буга подошли к столу, а Хубилай все стоял у двери и ждал объяснений: зачем они здесь?

Объяснения последовали незамедлительно.

– Весной я стану ханом, – заявил Мунке. Он не торжествовал, просто констатировал факт. – Я – орлок войска и внук Чингисхана. Байдар возражать не будет, а Бату написал, что поддерживает меня.

Хубилай переступил с ноги на ногу, и Мунке остановился. Волею Угэдэя двум самым влиятельным тайджи достались далекие земли. Препятствий чинить они не станут. Простоватый Мунке вознесся над всеми ними. Он принимал это как должное; впрочем, если честно, никого другого тумены и не поддержали бы.

– Да, брат, быть тебе ханом, – проговорил Хубилай, соглашаясь с мнением Мунке. – Наш отец гордился бы сыном, который вознесся так высоко.

Орлок пристально на него взглянул: не смеется ли Хубилай? Насмешки не почувствовал – и хмыкнул, радуясь своему превосходству.

– Ничего, я и вас пристрою, – пообещал он братьям. Хубилай отметил, что обращается он к Хулагу и Ариг-Буге, но все равно кивнул. – Мы вознесемся вместе, как и хотелось бы отцу. Сегодня мы обсудим будущее нашей семьи.

Хубилаю не верилось, что будет именно обсуждение. Мунке уже вжился в роль властителя и теперь поучал их не как старший брат, а как отец детей. Он похлопал Хулагу по спине, и Хубилай подивился, как они похожи. Мунке был чуть шире в плечах, но глаза у Хулагу такие же холодные.

– Походы начнем, не дожидаясь весны, – объявил орлок. – Мир слишком долго ждал, пока падет слабый хан. Наши враги окрепли без руки у них на горле и ножа у сердца их близких. Пора напомнить, кто кому господин.

Хулагу осушил вторую чашу красного вина, причмокнул и одобрительно хмыкнул. Мунке довольно взглянул на него, отметив в брате те же черты, что и Хубилай.

– Хулагу, я назначаю тебя командующим войском Байдара на западе и выделяю еще три каракорумских тумена. Произвожу тебя в орлоки ста тысяч и даю в помощники трех лучших командиров: Байджу, Илугея и Китбуку.

Каково было удивление Хубилая, когда Хулагу опустился на колени и отвесил поклон.

– Спасибо, брат! – поблагодарил он, поднявшись. – Для меня это большая честь.

– Ты смерчем пронесешься по южным и западным землям, избрав отправным пунктом Самарканд. Байдар моим приказам не воспротивится. Заверши труды нашего деда, Хулагу. Зайди дальше, чем ходил он. Хочу, чтобы ты создал себе новое ханство, полное богатств.

Мунке вручил младшему брату свиток и проследил, как тот разворачивает карту тех земель, тщательно срисованную и размеченную кривыми и точками давно умершим персидским писцом. Хубилай восхищенно уставился на карту и невольно подошел ближе. Каракорумская библиотека полна сокровищ, которых он даже не видел...

– Великий город расположен вот здесь, на берегах реки Тигр. Так далеко не заходил сам Чингисхан. Этот город – центр религии, которую называют исламом. Языком ты, Хулагу, владеешь достаточно. Если покоришь его, превратишь в сердце своего нового ханства.

– Покорю, брат! – пообещал ошеломленный Хулагу.

Мунке понял, что брат вне себя от счастья, и снова налил ему вина.

– Потомки Тогуя пришли к власти, – объявил он, глядя на Хубилая. – Мы не допустим, чтобы после нас положение изменилось. Дело деда продолжат наши потомки. Братья, это судьба. Наш отец отдал жизнь за спасение хана. Наша мать берегла этот город и родину, когда все попросту могло развалиться. – Глаза Мунке сияли: он явно рисовал себе будущее. – И все было ради этого момента: четверо братьев в главном зале дворца. Будущее ждет нас, как нежная отроковица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.